

Предисловие

Т. Н. Смекалова, А. В. Мельников, Н. М. Вечерухин

Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг была основана в 1818 году по указу императора Александра I для широкого государственного производства высококачественных бумажных денежных знаков России.

Идея введения — по примеру передовых европейских стран — в денежное обращение бумажных денег зародилась в правительственных кругах России еще в середине XVIII в. Первые практические шаги в этом направлении предпринял Петр III, но дворцовый переворот и последовавшие за ним бурные события первых лет правления Екатерины II отодвинули введение бумажных денег в России до 1768 г., когда, по указу императрицы, в Петербурге и Москве были учреждены ассигнационные банки, первоначальный капитал которых должен был составить по 500.000 рублей медной монетой в каждом. В следующем, 1769 г., на эту сумму — 1.000.000 руб. — были выпущены бумажные ассигнации. На фабрике графа Сиверса в Красном Селе для выпуска ассигнаций изготавливалась специальная бумага, а печатали их в Сенатской типографии в Петербурге. Экономические выгоды для казны от введения обращения бумажных денег оказались настолько очевидными, что правительство России выпускало их по мере надобности, далеко не всегда заботясь об их обеспечении реальной монетой. Прямым следствием такой финансовой политики стало падение курса ассигнационного рубля по отношению к серебряной монете. В конце правления Екатерины II ассигнационный рубль оценивался в 60 копеек серебром.

Простота способа производства первых бумажных денег таила в себе опасность массового появления фальшивых ассигнаций. Поэтому развитие этой специфической отрасли печатного производства естественным образом пошло по пути разработки новых видов высококачественной специальной бумаги, придания ей прочной окраски, усложнения печатного рисунка.

После войны с Наполеоном в денежном обращении России разразилась невиданная инфляция, ощущалась огромная потребность в денежных средствах, страну наводнили наполеоновские фальшивые ассигнации. Требовалось срочно упорядочить денежное хозяйство страны.

Наладить правильное и эффективное производство бумажных денег было, в принципе, делом несложным, особенно учитывая то, что за границей имелись прекрасные примеры для подражания. В связи с этим в 1816 г. под руководством испанского архитектора и инженера А. А. Бетанкура (1758–1824 гг.) была начата постройка большого предприятия, в котором должно было разместиться полное производство бумаги для ассигнаций, печатания денег и типографской продукции. Под строительство предприятия были куплены участки на левом берегу Фонтанки в С.-Петербурге. В целом строительство было завершено в 1818 г., хотя отдельные работы по усовершенствованию производства продолжались вплоть до 60-х годов XIX в., когда была осуществлена кардинальная реконструкция Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг (ЭЗГБ).

ЭЗГБ успешно функционировала в постоянном развитии вплоть до революции 1917 г. В 1918 году часть Экспедиции, теперь называемой Петроградской фабрикой заготовления государственных знаков, была эвакуирована в Москву и Пензу, а позднее — в Пермь. С 1995 предприятие называется Санкт-Петербургской бумажной фабрикой Гознака, которая продолжает производить высококачественную бумажную продукцию.

К столетию Экспедиции (1918 г.) был подготовлен к изданию фундаментальный труд петербургского историка, в будущем профессора Ленинградского университета Сергея Валерьяновича Вознесенского. Работа была выполнена исключительно на материалах из архивов Экспедиции и Кредитной канцелярии Министерства финансов. Книга представляет собой единственное существующее документальное, последовательное, подробное, доскональное изучение всех сторон деятельности ЭЗГБ с момента принятия решения о ее создании и строительства по проекту и под руководством А. А. Бетанкура до 1916 г. В книге освещаются вопросы, касающиеся строительства, технического оснащения, организации производства, материальных затрат и т. д. Большое внимание автор уделяет проблеме того, кто и как создавал ЭЗГБ и работал на этом новом для России важнейшем казенном предприятии.

Ценность исследования С. В. Вознесенского тем более велика, что многие документы из архива Министерства финансов в настоящее время утеряны. После 1917 г. они много раз меняли место хранения и иногда содержались не в лучших условиях, так что к 1950-м годам, когда была составлена их новая опись, они представляли собой «россыпь» документов. Многие документы оказались утерянными, например, пространная записка управляющего Экспедицией кн. А. Хованского

с «соображениями по предмету предполагаемой операции о перемене образца ассигнаций и о выпуске их на обмен нынешних» 1818 г., различные ведомости ЭЗГБ за 1826 г., полный текст которых приводится в приложении к книге С. В. Вознесенского. Фактически книга С. В. Вознесенского является единственным источником, где можно найти ряд дословно приведенных важных документов, касающихся ранней истории бумажных денег в России.

Книга С. В. Вознесенского, полностью сверстанная и подготовленная к печати, с авторскими правками, в связи с «отсутствием типографской краски и бумаги на фабрике в 1918 г.» так и не вышла в свет. Одной из главных целей исследования мы ставили подготовку к печати и опубликование книги С. В. Вознесенского «Сто лет Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. Опыт истории казенной мануфактуры» 1918 г. Вместе с текстом книги впервые будут опубликованы многие документы из фондов Государственного Эрмитажа (ассигнации разных времен и т. п.), Музея истории фабрики Гознака (например, подлинные чертежи А. А. Бетанкура проекта строительства здания ЭЗГБ, старые фотографии), из фондов Государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга, архива Санкт-Петербургского государственного университета, частных собраний А. Абезгауза и др.

Автор публикуемого научного труда, С. В. Вознесенский (рис. 1), сын почетного гражданина, в 1905 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, а в 1911 г. окончил его.

В 1911 г. он был оставлен на кафедре русской истории, где работал до 1916 г. В 1920–1927 гг. он доцент, а позже, в 1927–1931 и 1934–1938 гг. — профессор историко-филологического факультета. В 1917–1919 гг. заведовал архивом в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. Далее мы приводим автобиографию С. В. Вознесенского, хранящуюся в архиве Санкт-Петербургского государственного университета. Нам представляется, что этот документ лучше всего говорит как об авторе, так и о времени, в котором он жил и работал. Невозможно без боли читать строки, доносящие атмосферу, царящую на историческом факультете в те не столь далекие от нас времена.

«Сообщаю о себе, как научном работнике, нижеследующие данные: В 1911 г., окончив Историко-Филологический факультет Петербургского тогда университета, был оставлен при кафедре русской истории и в 1915–16 гг. сдал магистерские экзамены, получив право на приват-доцентуру. Был утвержден политической секцией ГУС'а в августе 1921 г. доцентом Ленинградского университета, а 18/X-1927 г. — штатным профессором.

Из своих научно-исследовательских печатных работ отмечу следующие:

1. “Городские депутатские указы в Екатерининскую комиссию 1767 г.” в “Журнале Министерства Народного Просвещения” 1909 г., № 11 и 12/5 (5 печ. листов). Работа представляет собой методологическое обследование городских указов, как исторического источника. Написана по материалам, изданным в ряде томов “Сборника Русского Исторического Общества”.
2. “Сто лет Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. Опыт истории казенной мануфактуры”. Т. I, 1918 (15 печ. листов). Работа была сверстана, но по независящим от автора обстоятельствам (отсутствии в Экспедиции в 1918 г. бумаги и типографских красок), не вышла в свет. Сверстанный экземпляр имеется у автора. Впоследствии две главы из этой работы в переработанном виде были напечатаны под заголовком “Рабочие Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг в 1-ой половине XIX века” в “Архиве Истории Труда в России”, 1923, № 6–7 (1,5 печ. листа), и “Техника бумагоделательного и типографского производства в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг в 1-ой половине XIX века” в “Архиве Истории Науки и Техники”, издание Академии Наук, вып. IV, 1934 (2 печ. листа). Работа выполнена исключительно на материалах из архивной экспедиции и Кредитной Канцелярии Министерства Финансов.
3. “Дворянская реакция по смерти Петра I”, в журн. “Русское Просвещение”, 1924 г. № 2 (2 печ. листа).
4. “Дворянский конституционализм в 1730 г.” в “Записках Научного общества Марксистов”, 1924 г., № 6 (2 печ. листа). Обе работы написаны на основании мемуаров, дипломатической переписки, напечатанной в разных томах “Сборника Русского Исторического общества”, др. печатных материалов.
5. “Государственное хозяйство России накануне революции 1905 года” в “Записках Научного общества Марксистов”, 1927 г., № 8 (2 печ. листа). Написана работа на основании анализа “Отчетов” министра финансов, статистических статей и ученой литературы.
6. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800–1860 гг. М., 1932, 285 стр. Работа написана на основе обзора, главным образом, печатных материалов, собранных в большинстве в архивах и доступных изданиях и не вошедших в научный оборот современных изданий (отчеты, переписка, публицистика, официальные документы и пр.).

7. “Об одной новой теории генезиса русского феодализма” в “Историческом Сборнике Академии наук”, т. II, 1934 г., № I (1,1 печ. листа). Статья представляет собой критический разбор концепции М. М. Цвибака.
8. “К вопросу о происхождении феодализма в России” в “Проблемах истории докапиталистических формаций” 1934 г., № 7–8 (1,5 печ. листа). Статья посвящена разбору “Очерков по истории феодализма в России” Б. Д. Грекова.
9. “Дворянская земельная задолженность в России 2-й половины и 1-й половины XIX в.” (рукопись в 4 печ. листа). Работа посвящена совершенно не обследованной в науке теме и выполнена на основе, главным образом, обширной мемуарной и эпистолярной литературы, статистических отчетов кредитных учреждений, протоколов Государственного Совета и других материалов. Принята к печати в т. I “Записок” Истфака ЛГУ.

Вышеуказанным работам я придаю известное научно-исследовательское значение. Кроме них, перечисляю некоторые из моих популярно-научных работ:

1. Профессиональные союзы рабочих. 2 изд. СПб., 1917 г., стр. 32.
2. Стачечная борьба рабочих в России в 1870–1917 гг., в “Архиве Истории Труда в России”. 1923 г. № 6–7 (2 печ. листа).
3. Экономика России в цифрах. Изд. Губоно. Л., 1924 г., стр. 127.
4. Экономический переворот в Западной Европе и реформация. Изд. “Прибой”. Л., 1925 г. Стр. 207.
5. Библиографические материалы для Словаря декабристов. Издательство Государственной Публичной Библиотеки. Л., 1915 г. Стр. 152.
6. Библиография по истории народов СССР. Л., 1932 г. Стр. 360.
7. Введение в коллективную книгу “Техники-изобретатели крепостной России”. Изд. Молодой Гвардии. Л., 1934 г.

Что касается общественно-политической деятельности, до начала 1918 г. я состоял в меньшевистской фракции Р.С.-Д.Р.П.

События, происходившие в 1917–18 гг., и прежде всего те, что российский пролетариат целиком пошел с большевиками, а также и то, что ряд революционных движений в Западной Европе свидетельствовал, что наступила эпоха грандиозных классовых битв, эпоха социалистической революции, заставили меня понять всю ошибочность моей политической позиции. С этого времени я начал активно работать в области наиболее близкой мне, культурно-просветительской, с большевиками. В 1919–20 гг. я был в инициативных группах в Ленинграде, создавших

“Научное общество Марксистов” под руководством т. М. В. Серебрякова, взявшее на себя задачи пропаганды марксизма, и “Левую Профессуру”, начавшую в 1920–23 гг. бороться за овладение высшей школой, где господствовала враждебная тогда Советской власти “академическая профессура”.

В те же годы, 1929–34 гг., я работал в качестве начальника Отдела в Политическом Отделе Управления Военно-Морских учебных заведений, возглавлявшегося т. Э. Эссенем (положительный отзыв о моей работе Ком. Ячейки УВМУЗ-а см. в его архиве в ЛОЦИА. Советским активистом-общественником я выступал и во все последующее время, работая ряд лет членом квалификационной комиссии Сектора Научных Работников, участвуя в ряде общественно-политических кампаний, например, при выборах первых советских ученых в Академии наук (моя статья в «Ленинградской Правде» о М. Н. Покровском и т. п.).

В своих научных работах я неизменно старался усвоить и проводить марксистско-ленинские методологические установки, вытравляя в себе отголоски своей прежней ошибочной политической позиции. Полагаю, что в своих, по крайней мере, вышедших в свет за последнее время, работах, в этом направлении я сделал значительные успехи. Субъективно давно уже у меня нет никаких разногласий или сомнений насчет генеральной линии великой партии Ленина (см. мое введение в вышедшей в 1934 г. книге “Техники-изобретатели крепостной России”. Изд. “Молодая Гвардия”).

Крупные столкновения были у меня в 1930 г. с руководителями Ист. фак. в ЛОК’е в то время (Зайделем и Томсинским) и ист. кафедры (Лозинским и некоторыми из его учеников), начавшиеся, с одной стороны, на почве моей критики концепций М. В. Покровского (см. “Основные вопросы методологии истории”. Сб. дискуссий в ЛОК’е (1930 г.)) и его школы, с другой стороны — на почве стремления зиновьевско-троцкистской банды во что бы то ни стало проявить свою бдительность на мне (Томсинский, ... Лозинский).

С. Вознесенский».

По тону, в котором написана автобиография С. В. Вознесенского, можно почувствовать, что тучи сгустились над его головой. Виною этому было, вероятно, его меньшевистское прошлое, а также та обстановка, которая царил в среде научных и учебных заведений того времени.

С. В. Вознесенский был арестован 18 апреля 1938 г. УНКВД по Ленинградской области. Обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 15 сентября 1939 г.

уголовное дело в его отношении было отправлено на доследование в Военную прокуратуру ЛВО. 7 мая 1940 г. С. В. Вознесенский умер от кровоизлияния в мозг в тюремной больнице УНКВД ЛО. Постановлением ВП ЛВО от 26 марта 1956 г. дело по обвинению С. В. Вознесенского на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекращено. С. В. Вознесенский реабилитирован посмертно (данные взяты из ответа службы РАФ ФСБ на запрос СПбБФ).

Техническая сторона работы над макетом книги С. В. Вознесенского заключалась в сканировании наиболее полного экземпляра его книги «Сто лет Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг», хранящегося в музее Санкт-Петербургской бумажной фабрики Гознака. Затем полученный файл был обработан с помощью программы-распознавателя текстов и проведена кропотливая работа по проверке отсканированного текста, его исправлению, добавлению ссылок, их проверке, исправлению опечаток и ошибок и т. п. Конец части второй рукописи книги был утрачен в процессе хранения в архиве. Поэтому главы 3–5 части второй даются в настоящем издании по составленной С. В. Вознесенским исторической памятке «Сто лет Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. 1818–1918» (Петроград, 1918, 56 стр.). Тон изложения материала в этой части книги меняется, явно ощущается влияние времени и той обстановки, которая царила на историко-филологическом факультете Ленинградского университета в послереволюционные годы. О том, что Сергею Валерьяновичу пришлось испытать тяжелое давление со стороны руководства и коллег, мы можем судить из его автобиографии.

К тексту книги были добавлены многочисленные иллюстрации. Это, в основном, старинные фотографии (портреты и краткие биографии управляющих, инженеров, служащих, рабочих, групповые фотографии коллектива фабрики, старинные фотографии цехов, отдельных машин и механизмов, работавших на фабрике, образцов бумажной продукции, а также продукции гальванопластического предприятия при фабрике), чертежи, документы из фондов музея фабрики Гознака и Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга. Была проделана большая работа по перекодированию имеющихся в книге архивных ссылок согласно их современным номерам в фондохранилищах ЦГИА и РГИА Санкт-Петербурга.

О. В. Воробьевой, заведующей музеем фабрики Гознака, был подготовлен специальный материал «История Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг в лицах», который включает краткие биографические справки и иллюстративный материал о 19 сотрудниках этого предприятия, оставивших наиболее заметный след в его истории:

Августине А. Бетанкуре, А. Н. Хованском, Я. Я. Рейхеле, Г. Н. Скамони, Ф. Ф. Винберге, А. Е. Сухих, И. И. Орлове, И. Е. Стружкове, Н. А. Резцове, Р. Э. Ленце, Ф. Н. Орнатском, А. И. Федорове, Б. Б. Голицыне, Р. Г. Зарине, Н. И. Тавилдарове, А. А. Хохрякове, А. П. Троицком, М. К. Лемке, Н. А. Степанове.

В приложении также помещена статья Т. Н. Смекаловой и Й.-С. Йенсена (Копенгаген) о жизни и деятельности в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг Я. Я. Рейхеля (1778–1856 гг.), который был первым начальником технического отделения. Якоб Рейхель был одним из крупнейших собирателей монет и медалей и нумизматом, чья более чем 30-летняя собирательская и научная деятельность протекала в Санкт-Петербурге, и чьи коллекции, приобретенные Императорским Эрмитажем, составили основу эрмитажного русского и западноевропейского нумизматического собрания от позднего средневековья до середины XIX века.

ВВЕДЕНИЕ

I

Появление знаков, заменяющих настоящие деньги, относится к еще дохристианской эре. Торговля и промышленность в некоторых государствах уже тогда достигли такой ступени развития, на которой имевшееся в обращении количество драгоценных металлов оказывалось недостаточным для потребностей товарного оборота, почему и приходилось вводить в употребление те или иные денежные суррогаты.

Впервые история встречает своего рода «кредитные билеты», пущенные в ход, однако, скорее по причинам финансово-политическим, чем народно-хозяйственным, на рубеже V-го и IV-го веков до Р. Х. в Древней Греции. Знаменитый сицилийский тиран того времени Дионисий заставлял сиракузян принимать вместо серебряных монет оловянные, которые стоили вчетверо дешевле. В книге «Economica», приписываемой Аристотелю, говорится, что афинянин Тимофей убеждал афинских купцов и солдат довольствоваться медными деньгами, обещая по окончании войны обменять их на серебро. Клазоменцы, не будучи в состоянии уплатить своему наемному войску 20 талантов, решили давать им в виде процентов 4 таланта в год; для этого правительством был проведен своего рода обязательный внутренний заем: было выпущено 20 талантов железной монетой, которую граждане обязаны были принимать взамен своих серебряных денег. Накопив таким образом некоторый запас серебра, клазоменская казна тотчас уплатила долг, а ежегодный излишек в 4 таланта, который она раньше тратила на уплату солдатам процентов, дал ей теперь возможность в течение нескольких лет обменять железные деньги на серебряные¹.

В ту же эпоху, приблизительно за 300 лет до Р. Х., условные денежные знаки, приготовленные уже не из металла, а из кожи, появились у карфагенян, в государстве которых торгово-промышленная деятельность приняла размеры, не виданные до того времени у индоевропейских народов². После падения Карфагена еще большее значение, как известно, приобрела торговля Рима, втянувшая в свой оборот почти весь известный тогда orbis terrarum, расположенных вокруг Средиземного моря; но римляне все-таки обходились полноценными металлическими

деньгами, не прибегая к денежным суррогатам, хотя кредитные учреждения были им хорошо известны³.

Знаки, заменявшие собой полноценную монету, и при этом уже в современной нам форме бумажных денег, появились, однако, не на территории средиземноморской культуры, а, как полагают, вскоре по Р. Х. в Китае, где была изобретена, по-видимому, незадолго до того одним из величайших изобретателей в Поднебесной империи Цай Лунем и самая бумага⁴. Деньги эти, между прочим, подробно описал посетивший Китай в конце XIII-го века Марко Поло. По его словам, они изготовлялись из превращенной в студень внутренней части древесной коры и имели форму четырехугольных пластинок, снабжавшихся особыми значками и печатями. За нежелание принимать их, а также за подделку полагалась смертная казнь⁵. Аналогичные сведения о бумажных деньгах в Китае сообщает и посол Людовика Святого Вильгельм де Рубрук. Только он указывает, что эти деньги выделывались из хлопка⁶. Мы не будем, конечно, излагать здесь длинную и отчасти мало достоверную историю китайских бумажных денег в позднейшее время. Скажем только, что в конце концов бумажные деньги в Китае стали выпускаться в таком количестве, особенно при династии Мин, что их курс упал настолько, что за один металлический «каш» давали тысячу бумажных. Следствием этого был полный упадок китайской торговли в XV веке и решительная реакция против бумажных денег⁷. Из других азиатских народов употребление бумажных денег было известно еще татарам и персам, заимствовавшим их, по всей вероятности, у китайцев. Наибольшего же развития бумажные деньги, тем не менее, достигли лишь у современных европейских народов, несмотря на то, что последние обратились к ним сравнительно очень недавно и вполне самостоятельно. А именно, деньги эти, в своем настоящем виде, появились в Западной Европе лишь во второй половине XVIII века, в результате длинного ряда попыток, предпринимавшихся еще со средних веков в целях найти какие-нибудь удобные для пересылки и дешевые по своей стоимости знаки, способные заменить в обращении металлическую монету и исполнять все ее функции.

Из этих попыток первая, пока очень робкая, была сделана в эпоху крестовых походов, когда Западная Европа впервые после Великого переселения народов получила сильный толчок для своего экономического развития. Приблизительно в XII веке в наиболее передовых европейских странах возникают, помимо денег, два новых орудия платежа: ликвидация счетов посредством сличения торговых книг, с уплатой монетами только разницы, и вексель. В те времена господства в Европе феодализма орудием обращения служили самые разнообразные монеты, которые

выпускались массой крупных и мелких сюзеренов и которые вследствие обрезывания, намеренной порчи или стертости обычно ходили далеко ниже своей номинальной ценности. Принимая монету, купец должен был взвешивать ее и определять содержание в ней чистого металла, что сопряжено было с большой потерей времени и не всегда гарантировало от обмана. Вследствие этого в торговых республиках Италии, где экономические отношения были наиболее развиты, раньше всего возник обычай отдавать такие деньги менялам, которые точно определяли их ценность и записывали в кредит вкладчика. Для производства платежей купцы в определенный час лично являлись к менялам и делали распоряжения о переносах различных сумм из кредита в дебет и обратно. Уплаченные таким способом деньги имели всегда свою полную стоимость, причем сберегался труд, сопряженный со счетом и оценкой монет.

В тесной связи с только что указанной причиной, вызвавшей появление условных денег в виде ликвидации счетов посредством сличения торговых книг, действовало и желание избежать трудностей и риска, неминуемых с перевозом больших количеств монеты из одного места в другое, по дорогам, где на каждом повороте или под каждым мостом могла ожидать путника засада. Для этого ввели переводные векселя, благодаря которым купец, отправляясь в чужой город, вместо денег вез с собой письмо с вложением векселя, которое по приезде предъявлял местному меняле и получал от него известную сумму настоящей, неподдельной монетой, притом имевшей хождение именно в данной местности⁸.

Оба указанных вида условных денежных знаков, устранявшие необходимость иметь в наличности значительное количество металлических денег, получили особенно широкое распространение со времени географических открытий конца XV и начала XVI веков, когда Западная Европа вступила в тот период своего торгово-промышленного развития, который, не без основания, называют иногда океаническим. Коммерческий интерес привел, далее, к тому, что уже в XVI веке была установлена на наиболее крупных западноевропейских ярмарках условная, общая для всех и независимая от вида и качества монеты денежная единица, по которой расценивались существующие монеты и на которую производились всеобщие ярмарочные расчеты и платежи. С установлением подобного рода «банковой монеты», как ее стали называть позже, было связано, между прочим, учреждение в XVII веке крупных публичных банков: Венецианского, Амстердамского, Гамбургского и, наконец, самого знаменитого — Английского⁹.

Англия как раз обогатила человечество и новым открытием в области кредита. Здесь, еще до возникновения названного банка, население

уже привыкло во многих случаях обходиться без пользования монетой, так как в стране были широко распространены так называемые goldsmithnotes, т. е. билеты золотых дел мастеров, предшественников позднейших банкиров, удостоверявшие помещение у них вкладов в размере обозначенных сумм. С учреждением в 1694 г. группой финансистов банка, получившего от Вильгельма III привилегию на выпуск банкнот в размере ссуженной правительству суммы в 1.200.000 фунтов стерлингов, эти билеты были вытеснены настоящими банкнотами, которые вскоре сделались платежным средством, фактически вполне заменившим монету, так как их велено было без всякого ограничения принимать при платежах казначействам. В 1709 г. эмиссионная привилегия Английского банка получила новое подтверждение, причем ей был придан монопольный характер: отныне ни одна компания более чем из шести лиц не могла заниматься эмиссионной операцией¹⁰.

От «билетов золотых дел мастеров» и банкнот, которые отличались от бумажных денег в собственном смысле слова только тем, что опирались на частный кредит и не имели принудительного курса, переход к настоящим бумажным денежным знакам был уже не труден, и его сделали в конце того же XVII века некоторые штаты Северной Америки. Здесь, в ранний период колонизации, функции денег исполняли различные предметы первой необходимости, вроде ржи, скота, риса, табака и т. п. Драгоценные металлы, и пока еще в очень незначительном количестве, появлялись в американских колониях лишь благодаря торговле с Вест-Индией и приезду новых эмигрантов. Чтобы удержать этот металл в стране, его сделали законным платежным средством и присвоили ему ценность выше той, которую он имел на месте чеканки. Такое фиксирование ценности металлических денег выше действительной стоимости заключающегося в них благородного металла совершенно изолировало денежное обращение Северной Америки от других стран. Однако таких денег, в общем, хватало, чтобы более или менее удовлетворять потребностям товарообмена, лишь в нормальной обстановке, но при исключительных обстоятельствах должен был неминуемо наступить денежный голод, и голод этот наступил прежде всего в штате Массачусетс, во время войны его с Канадой. Чтобы, так или иначе, справиться с недостатком металлической монеты, Массачусетс и ввел у себя в 1690 г. бумажные деньги. Этому примеру, спустя некоторое время, не преминули последовать также другие штаты Америки. Вскоре, однако, выпущенные знаки стали быстро падать в цене, отчасти вследствие неумеренных выпусков, отчасти вследствие несоблюдения мер, которые могли бы поддержать их курс: их оставляли в обращении больше определенного

времени, не взимали налогов, могущих дать средства к их изъятию, и выпускали в обращение билеты, предъявленные к уничтожению. Получение военного вознаграждения в 138.649 фунтов дало Массачусетсу возможность восстановить денежное обращение на металлическом базисе, но зато остальные штаты еще более пострадали от этого: торговля перешла от них к «серебряному штату» — так стал называться теперь Массачусетс — и их валюта почти совершенно обесценилась¹¹.

Новый эксперимент с бумажными деньгами вскоре после этого, а именно в начале XVIII века, был предпринят уже на территории Старого Света. Непосредственным толчком и здесь послужили финансовые затруднения казны, для устранения которых тогдашние правительства более уже не могли прибегать к обычным источникам, вроде увеличения налогов или обращения к займам. Припомним, что XVIII век в жизни Западной Европы был временем расцвета ничем не сдерживаемого абсолютизма, при котором верховная власть во всех государствах преследовала, главным образом, две цели: выжать из населения, подавленного и без того гнетом крепостной зависимости, как можно больше средств и эти средства истратить наименее производительным для страны способом. Причудливая роскошь придворного быта и сказочные капризы высочайших фавориток и фаворитов, падкая на деньги бюрократия и многочисленная, затянутая в дорогие мундиры армия — вот на что уходили выколачивавшиеся с народа государственные доходы, попадая в руки монархов, которые осуществляли в своей деятельности знаменитые принципы, приписываемые — основательно или нет, в данном случае безразлично, — Людовикам XIV-му и XV-му: первый из них, говорят, как-то выразился: «Государство — это я», а второй пошел еще дальше, откровенно заявив: «После меня хоть потоп».

Инициатором идеи выпуска государственных бумажных денег, которые, без сомнения, должны были приобрести большую популярность у населения, слепо верившего в те времена Богом установленной власти, явился ловкий авантюрист, родом шотландец, Джон Ло, сколотивший себе миллионное состояние денежными аферами.

В период острого финансового расстройства Франции, унаследованного еще от времени блестящего «короля-солнца» Людовика XVI, он выступил с проектом быстрого обогащения не только казны, но и страны посредством новой необычайно широкой организации кредита. Его система покоилась на чисто меркантилистическом принципе, а именно на убеждении, что богатство государства составляют благородные металлы, и заключалась в том, чтобы правительство, пользуясь доверием нации, пустило в обращение бумажные деньги в обмен на металлические,

и притом в большем количестве, чем в казне имелось звонкой монеты, и этим способом оживило торговлю и промышленность. Получив одобрение регента Франции Филиппа Орлеанского, Ло основал в 1716 г. акционерный банк, сделавшийся в 1718 г. «королевским» и приобретший важное право выпуска бумажных денежных знаков, которые допускались в обращение наравне с металлическими деньгами. Вместе с тем Ло соединил с банком учрежденную им же для разработки богатств Луизианы «Компанию Миссисипи», слившуюся позже с двумя другими под именем «Компании всех Индий», а также взял в свои руки табачный откуп, монетную регалию, конверсию государственного долга и пр. Сначала все предприятия Ло шли очень удачно, и появление в обращении новых денежных знаков только способствовало бóльшему оживлению экономической деятельности и особенно возрастанию стоимости акций упомянутых компаний, курс которых с 500 ливров дошел до 18.000–20.000 ливров. Но эта операция — в значительной степени по вине правительства — приняла скоро характер самого крайнего ажиотажа: выпуски бумажных денег следовали один за другим, и в сравнительно короткий срок последних появилось в обращении на колоссальную для того времени сумму в три миллиарда франков, тогда как в кассе банка, в качестве обеспечения, насчитывалось всего на 21 миллион звонкой монеты, на 28 миллионов слитков и на 289 миллионов векселей, в большинстве случаев безнадежных. Немудрено, что цены на все предметы потребления сильно повысились, и достаточно было одного появления в 1720 г. неблагоприятных слухов, чтобы последовал финансовый крах «королевского банка» и чрезвычайно тяжелый экономический кризис в стране, от последствий которого она не могла оправиться в течение всего XVIII столетия¹².

Печальный исход, каким закончилось введение в оборот Джоном Ло и Филиппом Орлеанским бумажных денег во Франции, на время, правда, очень короткое, укрепил в европейских государствах недоверчивое, опасливое к ним отношение. Правительства предпочитали при финансовых затруднениях прибегать к всевозможным другим способам увеличения своих доходов, включая, между прочим, даже и выпуски недоброкачественной, т. е. попросту фальшивой монеты. Последний способ практиковался в довольно широких размерах еще во вторую половину средневековья, и особенно выдвинувшийся на этом поприще французский король Филипп IV Красивый получил даже кличку «фальшивомонетчика». В середине XVIII-го века это амплуа по преимуществу занимал Фридрих II Прусский, наводнивший Mittel-Augustor'ами и другими неполноценными монетами не только временно захваченные

чужие области, но и свои, вопреки собственному кабинетному приказу от 22 января 1757 г., гласившему, что «он может допустить выпуск подобной плохой и позорной монеты, во всяком случае, только тогда, когда армия его будет стоять во вражеской земле и там расходовать эти деньги»¹³.

Тем не менее, во второй половине XVIII века целый ряд западно-европейских государств, вследствие острой финансовой нужды, вызывавшейся, помимо всего прочего, еще войнами, которые предпринимал примитивный империализм того времени в своих попытках захватить новые торговые дороги и новые рынки, — уже не мог обойтись без бумажных денег. Первой решилась взяться за повторение французского опыта Австрия, финансовое положение которой почти никогда не было удовлетворительно, так как Габсбургская династия, как и Бурбоны, не отличалась бережливостью. Этот опыт, однако, предприняли уже не в столь грандиозных размерах и без чересчур розовых перспектив: выпуск бумажных денег, получивших название «банковых бумажек» — Bankozettel, был произведен здесь в 1762 г. всего на 12 милл. гульденов. Хотя бумажки эти и считались долгом выпустившего их Венского городского банка, тем не менее, они не имели ничего общего с настоящими банковыми билетами, так как были предназначены не для коммерческих операций, а для удовлетворения нужд казначейства, которое из своих средств обменивало их, по желанию, на металл. Правда, у этих бумажек не было принудительного курса, но при взносе налогов треть обязательно уплачивалась посредством их.

Следующий выпуск бумажных денег был сделан в Австрии лишь в 1771 г., но зато со вступления на престол Иосифа II выпуски эти стали производиться очень часто. В 1799 г. «банковых бумажек» находилось в обращении уже на 240 милл., и с этого года началось их постепенное обесценение, дошедшее благодаря новым огромным выпускам, вызванным борьбой с Наполеоном, к 1811 г. до того, что за 100 серебряных гульденов давали около 1.200 бумажных. Австрийская монархия недолго думала, как выйти из такого положения: декретом 20 февраля 1811 г. государство попросту было объявлено несостоятельным, и вся сумма находившихся в обращении бумажных денег в 1.060 милл. гульденов (678 милл. руб.) была предназначена к обмену на «погасительные квитанции» — Einlösungsscheine — в пропорции 1:5, т. е. девальвирована на $\frac{4}{5}$ их нарицательного достоинства. Это означало, что все налоги и подати должны были уплачиваться в новой валюте, что равносильно было повышению их в пять раз, в то время как заработная плата и цены на продукты не успели увеличиться соответственным образом и сразу.

«Современное поколение, — писал в 1863 г. А. Шпрингер, — не может, конечно, так непосредственно испытать всего ужаса, как его отцы, на которых внезапно обрушилась катастрофа в несчастное утро 15-го марта 1811 г., когда они проснулись нищими, в то время как еще накануне вечером утопали в роскоши». Несмотря на всеобщее недовольство, правительство, совершенно потерявшее, благодаря банкротству, какой бы то ни было кредит, тем не менее, вынуждено было в 1813 г. опять приступить к новым выпускам бумажных денег, назвав теперь эти последние *Anticipationsscheine* на том основании, что их предполагалось погашать по мере поступления налогов. Однако эта последняя мера не была приведена в исполнение, и количество бумажных денег снова достигло к 1816 г. крупной цифры более 600 милл. гульденов. Чтобы обеспечить более устойчивую ценность бумажным знакам, решено было тогда, за неимением в казне металла, передать дело денежного обращения в руки акционерного учреждения, которое пользовалось бы в населении бóльшим доверием, чем обанкротившаяся казна. Это и привело к основанию Австрийского национального банка¹⁴.

Вскоре на путь, по которому столь неудачно пошла Австрия, вступила Пруссия. В 1865 г. был учрежден в Берлине особый банк с правом эмиссии билетов, под названием «королевского». Однако в Пруссии выпуски бумажных денег были сравнительно незначительны, так как Фридрих II предпочитал покрывать дефициты другими способами¹⁵. Примеру Австрии и Пруссии последовали затем снова Северо-Американские Соединенные Штаты в период войны за независимость и Франция — в первый же год великой революции. Бумажные деньги, выпущенные в подражание Европе в 1775 г. Северной Америкой, получили название континентальных — *continental currency*. Количество их быстро дошло до 450 милл. долларов, и с ними столь же быстро случилось то же самое, что и с австрийскими *Bankozettel*'ями. Напрасно Конгресс в 1779 г. торжественно заявил, что «невозможно сомневаться в его честности, что врагам Америки никогда нельзя будет сказать, что вместе с приобретением самостоятельности Америка перестала платить долги»: не прошло и года, как Веллингтон уже писал, что в Америке за воз бумажных денег едва можно купить воз съестных припасов. Немудрено, что бумажные деньги внушили американцам такой безграничный страх, что в Конституцию Соединенных Штатов был введен специальный параграф, навсегда воспрещающий их выпуски¹⁶.

Еще большей катастрофой сопровождалось введение бумажных денежных знаков Национальным собранием во Франции, где они вскоре получили название ассигнатов. Эти последние были выпущены 19 де-

кабря 1789 г. как процентные боны, обеспеченные секуляризованными церковными имуществами. В 1790 г. они уже имели принудительный курс, и с этого момента, одновременно с их широким распространением, положено было начало их обесценению. Всего появилось в обращении ассигнатов монархического типа почти на 1½ миллиарда франков, и они утратили до ¾ своей номинальной стоимости. В 1793 г. Конвент ввел в обращение ассигнаты республиканского образца, на которые и должны были вымениваться, до января 1794 г., ассигнаты прежние. На 204 миллиона франков этих последних держатели не успели представить к сроку, и они были аннулированы. Во второй раз революционная власть во Франции прибегла к девальвации, равнявшейся также почти полному аннулированию, в 1797 г.: когда обнаружилось, что и республиканские ассигнаты, вследствие почти неограниченного выпуска их, совершенно утратили свою стоимость — 100 ливров расценивались на звонкую монету не дороже 30 сантимов, — то были выпущены так называемые «территориальные мандаты», имевшие одинаковое обеспечение с прежними бумажно-денежными знаками и предназначенные заменить их в соотношении 1:30! Но курс и этих мандатов, будучи установлен на уровне 18%, скоро опустился до 1% и менее: в эту эпоху в парижских ресторанах за стакан кофе приходилось платить сотни и даже тысячи бумажных франков. Тогда-то и наступила небывалая нигде общая демонетизация бумажных денег: государство прямо аннулировало все находившиеся в обращении ассигнаты и мандаты в сумме до 35 миллиардов франков. После этих неосторожных опытов с бумажными деньгами был основан в 1800 г. Французский банк, заменивший собой прежние эмиссионные учреждения¹⁷. Что касается Англии, то в ней настоящие бумажные деньги не выпускались, но ими временно сделались упомянутые выше банковые билеты, которые в 1797–1819 гг., вследствие финансового кризиса, вызванного, как и в Австрии, коалиционными войнами с революционной и затем наполеоновской Францией, получили принудительный курс и перестали размениваться на золото¹⁸.

II

Наше отечество, Россия, вступило на путь бумажно-денежного обращения всего лишь на 7 лет позже Австрии и на 4 года позже Пруссии, опередив, таким образом, на несколько лет ряд других европейских государств. Впервые¹⁹ у нас вопрос о введении ассигнаций — так стали называться в России первые бумажные деньги, представлявшие собой действительно ассигновки на ассигнационный банк, по которым

правительство обязывалось «чинить всегда верный и исправный платеж», — был поставлен на очередь еще в царствование Елизаветы Петровны. Кроме общих с Западной Европой причин, заключавшихся, кратко говоря, в несоответствии в XVIII веке народного благосостояния неимоверно возросшим финансовым требованиям государственной власти, у нас в деле выпуска бумажных денег сыграло роль и еще одно совершенно самобытное обстоятельство. Дело в том, что в России, при малой разработке благородных металлов в стране и недостаточном притоке их извне, так как торговый баланс не всегда был благоприятен, золотые и серебряные деньги, чеканившиеся главным образом из драгоценных металлов, получавшихся путем внешней торговли, со времен Петра Великого почти исключительно предназначались на удовлетворение правительственных заказов в чужих краях и вообще для нужд заграничного товарообмена; для внутреннего же обращения была выпущена в большом количестве медная монета, и притом оцененная значительно выше против действительной стоимости меди, что делало ее «финансовым знаком», очень неустойчивым по своей ценности. Между тем, по мере развития производительных сил страны, получившего в петровскую эпоху могучий толчок, подобная денежная система все сильнее и сильнее заставляла чувствовать крупные неудобства. Все те, кому приходилось вести какие-либо более или менее крупные дела по купле и продаже, принуждены были совершенно напрасно производить большие затраты по перевозке медных денег, а также испытывать значительные трудности, сопряженные со счетом и хранением даже мелких сумм их: припомним, что всего 25 рублей в одной монете весили тогда до 1½ пудов! Кроме того, медная монета, выпущенная, как уже указывалось выше, по цене, значительно превышавшей рыночную стоимость меди, оказывалась и малопригодной для того, чтобы выполнять одну из самых существенных функций денег — служить общим, вполне устойчивым мерилем всех обращающихся на рынке ценностей. При таких обстоятельствах медные деньги не облегчали, а чрезвычайно затрудняли денежные обороты, главным образом, в торговых делах, изменяли условия производительности, способствуя сильному вздорожанию товаров, и в итоге не доставляли и казне ожидаемого увеличения финансовых средств.

Чтобы избежать значительных издержек по пересылке денежных сумм и разных других неудобств, связанных с обращением медной монеты, необходимо было низвести последнюю до степени разменных добавочных денег, а для этого, при недостатке в стране золота и серебра, единственно возможным средством было обратиться к выпуску бумаж-

ных денежных знаков. С этой идеей выступил в 40-х годах XVIII-го столетия генерал-берг-директор Миних, но Сенат в 1744 г. отверг ее на том основании, что бумажные деньги «не токмо не за обыкновенное и незнакомое в России дело, но и самое вредительное»: по его мнению, деньги эти, в противоположность медным деньгам, не будут иметь никакой внутренней ценности, а потому, если правительство их выпустит в значительном количестве, то ему придется обменивать их с несравненно большим разорением; кроме того, самое хождение, вместо денег, бумажек подаст, без сомнения, повод к «худым рассуждениям», вследствие народного невежества²⁰.

Ввиду такого энергичного отпора со стороны Сената, в царствование Елизаветы Петровны были приняты поэтому лишь некоторые меры, облегчавшие самый способ обращения одной монеты. Так, вместо вышеуказанного проекта Миниха, получило осуществление предложение графа П. И. Шувалова «Об удобном и полезном способе учинить в государстве обращение медной монеты», внесенное им 16 декабря 1756 г. в особо учрежденную при дворе конференцию. Исходя из того, что России предстоит, в силу союзных обязательств с Австрией, выступить против Пруссии, Шувалов указывал на необходимость «заблаговременно стараться готовить деньги». Для «собрания великого капитала» он считал совершенно непригодными такие способы, как устройство лотереи или выпуск «банковых билетов»; лотерея, по его мнению, едва ли может иметь желаемый успех «в таком государстве, как наше», а банковые билеты «непривыклому к тому народу не токмо дико покажутся», но и совсем подорвут кредит, вызвав «в торгах всякие помешательства и обманы». Поэтому для получения необходимых средств «без всякаго народного и казеннаго отягощения» Шувалов предлагал устроить передел существующей одной монеты, уменьшив вдвое ее вес. Помимо пользы для казны, по мнению Шувалова, от этого должны были выиграть и подданные: при обращении более легкой медной монеты последние «ту способность иметь будут, что <...> не столько в провозах отягощены будут, как при нынешней». По рассмотрении изложенного предложения на конференции решено было начеканить новой одной монеты по 16 рублей в пуд, вместо прежних медных денег по 10 и по 8 рублей в пуд²¹.

Одновременно с этим указом от 6 ноября 1757 г. были установлены, по инициативе того же Шувалова, «вексельные обороты» с целью удерживать в казне серебряные деньги, оставив в народном обращении только медные, и по возможности облегчить самое обращение медных денег; для этого велено было разослать новой медной монеты в количестве до 2 милл. рублей по главным торгово-промышленным городам империи и

отдать в магистраты для раздачи её под векселя купцам, покупавшим товары внутри России и доставлявшим их для отправки за границу в С.-Петербург, где производилась и самая уплата по выданным в провинции векселям. 21 июля следующего года, по новому проекту Шувалова, были учреждены в С.-Петербурге и Москве «банковья конторы вексельного производства», в которых желающие могли завести текущие счета на внесенные туда медные деньги для хранения и переводов их на других лиц; вместе с тем было предоставлено, кроме купечества, помещикам, фабрикантам и заводчикам брать под векселя, из 6%, медные деньги в тех городах, где для раздачи под векселя они имелись, и производить уплату в обеих столицах²² (рис. 2, 3). Таким образом, теперь и в России, как это практиковалось в Западной Европе еще в средние века, представлялась возможность, не переводя медных денег из одного места в другое, делать денежные и торговые обороты.

Но все это были полумеры: выданные магистратами или конторами казенные векселя не имели свободного обращения среди народа, а поэтому необходимость в достаточном количестве удобных денежных знаков по-прежнему остро чувствовалась. Дальше обходиться без бумажных денег было уже невозможно, и решительный шаг в этом направлении сделал Петр III, давший 25 мая 1762 г. указ Сенату об уничтожении вексельных именных переводов при участии казны и об учреждении, взамен того, Государственного банка, который должен был выпустить на «особливой и для того нарочито сделанной бумаге» на 5 милл. рублей «банковых билетов» достоинством в 10, 50, 100, 500 и 1000 рублей; билетам этим было присвоено хождение наравне со звонкой монетой²³. Вследствие дворцового переворота, стоившего Петру III короны, а вслед за тем и жизни, указ этот остался невыполненным. Тем не менее, через шесть с половиной лет Екатерина II осуществила планы своего супруга.

Возведенная на престол дворянской гвардией, государыня — поклонница освободительной философии — хотела на первых порах облагодетельствовать народ рядом реформ в духе Монтескье и даже Руссо, но в действительности облагодетельствовала только дворянство и отчасти буржуазию. Чтобы поддержать блеск своего царствования, Екатерина в конце концов принуждена была, вместо улучшения экономического положения народа, все бремя финансовых тягот возложить на его плечи, хотя он был и без того достаточно истощен в прежнее время частыми рекрутскими наборами, ростом крепостной зависимости и безудержным произволом всевозможного «начальства». Создание огромного и сложного административного аппарата внутри страны и ведение трудных войн уже в первые годы екатерининского царствования настолько отяг-

чили государственный бюджет, что найти какой-либо выход из все более и более усиливавшегося безденежья казны, помимо налогового увеличения, представлялось для правительства крайне необходимым. При таких условиях в 1768 г. Екатерине была представлена, по-видимому, графом Сиверсом записка, доказывавшая пользу и необходимость введения в России бумажных денег. Исходным пунктом рассуждений автора являлось не восполнение (способствование. — Т. С.) нуждам государственного казначейства путем выпуска «цеттелей», как он называл в своей записке бумажные деньги, а, главным образом, облегчение денежного обращения в стране. В том же году с проектом выпуска бумажных денег выступил и генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, озабоченный, наоборот, уже исключительно отысканием средств для покрытия новых расходов, вызванных начавшейся войной с Турцией²⁴. Последнему не стоило большого труда убедить императрицу серьезно взяться за дело: Екатерина уже 17 ноября 1768 г. на заседании только что учрежденного при дворе императорского совета «изволила изустно объявить, что хотя в первом собрании (4 ноября) сказано было, что на нынешние случаи деньгами исправиться можно, однако, все же стараться надобно о изыскании оных, дабы всегда иметь в готовности». При этом Вяземскому, предложившему проект «о учреждении, вместо денег, ассигнаций», было поручено сочинить подробный план задуманной операции и рассмотреть его в упомянутом совете²⁵.

Следствием всего этого явился манифест от 29 декабря 1768 г. «Об учреждении в Петербурге и Москве государственных банков для вымена ассигнаций», повторявший, в общем, основные положения как вышеупомянутых проектов, так и указа Петра III от 25 мая 1762 г. Задачей банкам официально ставилось исключительно облегчение денежного обращения, благодаря чему было обещано, что ассигнаций «выдаваемо будет столько, а не более, как в банках капитала наличного состоять будет». В оба банка первоначально было положено по 500.000 руб. монетой, и каждый из них должен был выпустить ассигнаций 25-, 50-, 75- и 100-рублевого достоинства на такую же сумму, т. е. всего на 1 милл. руб.; если бы в течение трех месяцев не было предъявлено к обмену ассигнаций более 500.000 руб., то предполагалось положить в банки еще 500.000 руб. медной монетой и на такую же сумму выпустить новых ассигнаций²⁶. Но уже 12 января 1769 г. было предписано изготовить еще ассигнаций на 150.000 руб., а 5 марта того же года велено иметь всегда наготове в каждом банке по 250.000 руб. бумажными деньгами; о дополнительном обеспечении нового выпуска звонкой монетой при этом уже не говорилось²⁷. «Этим, — говорит Н. Д. Чечулин, — правда, не нарушалось каких-либо

обязательств, потому что и не было дано обещания и впредь обеспечивать ассигнации монетою рубль за рубль, но очевидно, что от первоначальной своей осторожности в этом деле правительство несколько отклонилось и стало применять новую операцию не только как средство облегчить денежные обороты в стране, а уже как способ увеличивать свои ресурсы»²⁸. Тем не менее, умеренный в общем выпуск новых денежных знаков под почти полное обеспечение и, действительно, немалые удобства, которые во многих случаях представляли ассигнации сравнительно с медной монетой, имели своим следствием то, что бумажные деньги были встречены в русском обществе с полным доверием и очень быстро заняли весьма прочное положение во внутреннем обращении.

Несомненный успех новой меры, на первых порах заметно способствовавшей облегчению денежного обращения в стране и давшей в распоряжение казны большие средства, ободрил правительство Екатерины II, увидевшее, что с выпуском ассигнаций многие финансовые затруднения были устранены, а никаких неудобств от появления не обеспеченных монетой бумажно-денежных знаков первое время не ощущалось. Явилась соблазнительная мысль, что найдено верное средство иметь всегда необходимые для казны деньги, мысль, вполне понятная при тогдашнем слабом развитии науки политической экономии и отсутствии у нас опыта с бумажными деньгами. Ввиду этого выпуски ассигнаций продолжались по мере надобности казны в деньгах: Екатерина II, сидевшая в первую половину своего царствования, пока она еще не превратилась в глазах дворянства в «матушку», не совсем прочно на престоле, предпочитала при финансовых затруднениях чаще всего обращаться именно к этому источнику, тем более что другой, главный источник — подати и налоги — к 70-м годам XVIII столетия был уже в значительной мере исчерпан: увеличивать еще больше налоговый гнет представлялось прямо-таки небезопасным. Действительно, в тогдашнем государственном бюджете свыше 70% поступлений падало непосредственно на плечи народной массы, которая, кроме того, по крайней мере, в лице крепостного крестьянства, принуждена была содержать и своих господ. Из этих поступлений от 35 до 45% давала подушная подать, 20–25% — обложение питей в разных видах и формах и 7–10% — соляные сборы. Насколько Екатерина II, несмотря на некоторые опасения, все же увеличила эти основные статьи государственного дохода, видно хотя бы из следующих фактов: в 1764 г. был положен рублевый сбор на малороссийских крестьян, с 1769 г. великорусские дворцовые и черносошные крестьяне, вместо рублевого оброка, стали платить 2 руб. 70 коп. с души; эти же ставки были затем распространены на крестьян

монастырских и однодворцев. Такое повышение подушной подати представляло собой уже предел, выйти за который правительство Екатерины II осмелилось не ранее 1783 г., когда подушные платежи для всех разрядов государственных крестьян были еще раз повышены на один рубль, а также установлены новые оклады для крестьянства Малороссии, Прибалтийских губерний и Финляндии. Не менее заметно увеличились при Екатерине II также и питейные сборы: в начале ее царствования, при цене в 2 руб. 23½ коп. за ведро, они доставляли казне 4 милл. руб. с небольшим чистой прибыли, а в конце, когда цена за ведро поднялась до 4 руб., — уже около 15 милл. руб. Дальше идти и в эту сторону представлялось немыслимым!

Что это было так, свидетельствует тот факт, что рост податных тягостей за 33 года екатерининского царствования повел за собой увеличение общей суммы государственных доходов с 18.550.000 руб., собранных в 1763 г., до 73.110.000 руб., собранных в 1796 г., тогда как население в период времени между третьей ревизией 1766 г. и пятой 1796 г. возросло с 7.363.000 душ всего лишь до 17.816.000, принимая во внимание и жителей вновь присоединенных областей. Это значило, что число плательщиков увеличилось немногим более чем в 2½ раза, а лежавшее на них государственное тягло — в 4 с лишком раза. Что финансовые требования казны значительно превосходили платежные силы народа, это было хорошо известно и правительству Екатерины II, впервые принужденному в исходе 60-х годов XVIII века столкнуться с появлением в государственном бюджете России хронического дефицита. Народ за все время екатерининского царствования внес в казну 1.415.000.000 руб.; казна же истратила до 1.615.000.000 руб.; излишек расходов над доходами достиг, таким образом, 200.000.000 руб.²⁹ Так как, очевидно, сумму эту было совершенно невозможно выбрать с населения путем еще большего возвышения налогов и пошлин, оставалось обратиться к дальнейшим выпускам ассигнаций. Правда, западноевропейские государства той эпохи были хорошо знакомы еще с одним способом добывания денег — заключением займов. Но для России способ этот был пока мало доступен. Займы, при бедности туземного капитала, могли быть заключаемы русским правительством только за границею, а последняя, плохо зная Россию, шла на них не особенно охотно. Утолить ими денежный голод казны, таким образом, Екатерина II не могла. Ей нужны были такие ресурсы, которые находились бы в её полном распоряжении. Ими, после блестящего начала, казалось, как раз и были бумажные деньги. И вот, лишь только началась первая турецкая война, резко нарушившая равновесие между государственными доходами и расходами, сейчас же

екатерининское правительство стало производить усиленные выпуски ассигнаций, которые уже совершенно не обеспечивались звонкой монетой; так, в 1769 г. было выпущено ассигнаций на 2.619.000 руб., в 1770 г. — на 3.758.700 руб., в 1771 г. — на 4.291.325 руб., в 1772 г. — на 3.378.225 руб., в 1773 г. — на 3.796.500 руб., в 1774 г. — на 2.155.275 руб., благодаря чему к 1775 г., т. е. ко времени окончания войны, сумма ассигнаций, находившихся в обращении, достигла уже 20.000.000 руб.³⁰

Тем не менее, бумажные деньги продолжали встречать в населении полное доверие: торговые обороты в России так быстро росли во второй половине XVIII века, что излишества в денежных знаках пока не чувствовалось. Действительно, если в начале царствования Екатерины II средний ввоз к нам оценивался в 8 милл. руб., а вывоз в 10 милл. руб., то уже в 70-е годы первая цифра выросла до 15,5 милл. руб., вторая — до 18 милл. руб.³¹ Столь значительное увеличение внешней торговли сопровождалось еще большим увеличением торговли внутренней; расцвету последней, после уничтожения Елизаветой Петровной внутренних таможен, больше всего благоприятствовали отмена при Екатерине II множества привилегий монопольного характера и экстенсивный рост государственной территории, бывший результатом первой турецкой войны и первого польского раздела, не говоря уже о том покровительстве, какое ученица Вольтера вообще оказывала русской буржуазии. Беда последней заключалась теперь лишь в недостатке капиталов, которых было слишком мало для надлежащего развития производительных сил страны, и вот тут ассигнации, несомненно, оказали, в свою очередь, крупное содействие. Основание ассигнационных банков, благодаря которым Екатерина II получила возможность всегда иметь под руками достаточное количество денег, дало вместе с тем сильный толчок и вообще экономическому оживлению в стране. С течением времени, благодаря обилию появившихся в стране денежных знаков, создался целый ряд других казенных кредитных учреждений, финансируемых из ассигнационных банков. Это были, помимо елизаветинского заемного банка, вновь открытые сохранные и ссудные казны и приказы общественного призрения. Все эти учреждения принимали вклады до востребования в неограниченном количестве, выдавая вкладчикам пятипроцентные вкладные билеты, которые нередко обращались среди населения как деньги ввиду того, что они были на предъявителя. Составлявшийся путем вкладов частных лиц капитал позволял этим учреждениям развить в довольно значительных размерах свои операции, главным образом ипотечные ссуды под сельскую и городскую недвижимость, и иметь значительные прибыли, на которые стали содержаться, между прочим, неко-

торые просветительные и благотворительные заведения; сами казенные банки находились в ведении особого опекунского совета, т. е. высшего государственного органа, заведовавшего благотворительностью и общественным призрением³².

Благодаря устройству вышеуказанных кредитных учреждений и развитию их деятельности, спрос на ассигнации в это время стал настолько значителен, что, когда последовали новые выпуски их, совершенно не обеспеченные металлическим фондом, они, тем не менее, продолжали расцениваться на медь и даже на серебро почти *al pari*. Мы говорим — почти, так как все же, по мере увеличения общего количества ассигнаций, курс их начал несколько падать. Впервые это обнаружилось еще в 1771 г., когда 20 октября названного года, как это указано И. И. Кауфманом, граф Н. И. Панин представил императорскому совету о необходимости отправить в Голландию один или два миллиона рублей медной монеты «для утверждения там нашего кредита и возвышения здесь денежного курса»³³. Однако казенные трассировки для поддержания ассигнаций на известной высоте, как всякие паллиативы, противодействовали лишь симптомам начавшейся болезни, но не её источнику. Поэтому, лишь только образовался постоянный лаж, правда, еще очень незначительный, не более двух процентов, правительство 10 января 1774 г. решило торжественно заявить, что «соображая циркуляцию и число находящихся в государстве в монете денег», оно обещает, что в империи никогда не будет обращаться ассигнаций «более как на двадцать миллионов рублей»³⁴.

Но, как почти всегда бывает с подобными расчетами на будущее, они в данном случае не оправдались: уже в следующие три года пришлось опять выпустить ассигнаций на 3½ милл. руб. Новых выпусков не было только в течение двух лет, в 1778 и 1779 гг., но зато с 1780 по 1786 г. сумма обращавшихся в стране ассигнаций прямо-таки удвоилась, дойдя с 24.500.000 руб. в 1780 г. до 46.219.250 руб. в 1786 г.³⁵ Захват Россией в 1783 г. северных берегов Черного моря и, главным образом, Крыма, открывавший европейский хлебный рынок для наших черноземных губерний, оказал, однако, казне громадную услугу, значительно повысив в стране спрос на бумажные деньги. Этим именно объясняется то, что лаж на медь и даже на серебро оставался пока прежним — 98 за 100, от чего сколько-нибудь крупных затруднений в денежном обращении, само собой разумеется, не замечалось. Ввиду этого екатерининское правительство одновременно с новыми выпусками ассигнаций стало принимать особые меры и для более усиленного распространения их среди населения. Благодаря постоянным и быстрым требованиям на ассигнации,

обнаружившимся вскоре после их выпуска, множество медной монеты стекалось в столицы, тогда как в провинции, наоборот, начал ощущаться в ней острый недостаток. В целях устранения этого неудобства, по манифесту 22 июня 1772 г., были открыты в некоторых городах банковые конторы, на обязанности которых лежало выдавать публике медные деньги в обмен на приносимые ассигнации, а эти последние выменивать в различных правительственных учреждениях на мелкую монету, которая туда стекалась³⁶. Но эти конторы не могли достигнуть поставленной им задачи и почти сразу же стали действовать в другом направлении: вместо того, чтобы способствовать обращению ассигнаций, они начали служить только целям выпуска их, что и было узаконено указом 9 сентября 1782 г., учредившим 5 новых контор³⁷.

Опыт с крупными ассигнациями, таким образом, оказался удачным, и в правительственных сферах назревала заманчивая мысль: что, если выпустить и мелкие ассигнации? Дело в том, что и в 80-е годы правительство продолжало испытывать недостаток в деньгах, и даже все более и более сильный, особенно когда стала на очередь новая война с Турцией. Немудрено поэтому, что финансовые затруднения казны подготовили в правительственных сферах сочувственное отношение к проекту, представленному графом А. П. Шуваловым. Последний предложил усилить денежное обращение, доведя, путем выпуска новых ассигнаций, сумму последних до 100 милл. руб., причем наряду с крупными ассигнациями проектировал выпустить также 10- и 5-рублевые; 45 милл. из числа вновь выпускаемых ассигнаций предназначались Шуваловым к раздаче за проценты дворянству и городам в целях улучшения сельского хозяйства и развития торгово-промышленных предприятий. В своем проекте Шувалов рисовал широкие перспективы в смысле увеличения доходов казны от этой операции и обогащения всего населения и успел настолько увлечь всех членов императорского совета, — кроме, впрочем, старого генерал-прокурора Вяземского, — что остались незамеченными некоторые прямые ошибки в расчетах. Составленный в соответствующем духе доклад, где, между прочим, указывалось, что «возвышение налогов нестерпимо матернему сердцу и в свете прославленному милосердию государыни», так как поведет за собой «уньиные и страх всенародные», как это часто бывает, когда правительство увеличивает налоговое бремя, не показывая народу «новых способов к изобилию и благосостоянию», получил полное одобрение со стороны Екатерины II и в первой своей части, касавшейся нового выпуска ассигнаций, был быстро осуществлен. Под предлогом недостатка в денежных знаках, «обновляющих торговлю, рукоделия, ремесла и земледелие», количество бумажных

денег решено было сразу удвоить. В манифесте 26 июня 1786 г. новая мера возвещалась народу как «редкое деяние», в высокой степени обеспечивающее пользу страны и казны, которым должно было быть отмечено наступление двадцать пятого года царствования Екатерины II; при этом сама императрица в весьма торжественной форме давала «императорское слово за себя и за своих преемников», что никогда в России не будет выпущено свыше 100 милл. руб. ассигнациями³⁸.

Мера эта, однако, оказалась совершенно неудачной, отчасти вследствие ошибок в расчетах, на которых она была основана, отчасти — из-за промахов и злоупотреблений, допущенных при её проведении в жизнь. Входить в подробное рассмотрение и самого проекта, и его осуществления — здесь не место; достаточно сказать, что почти все вновь выпущенные ассигнации были немедленно же, в ближайшие два года, израсходованы казной на удовлетворение её ближайших нужд, так как тогдашние руководители русских финансов сочли себя сразу обладателями тех доходов, которые еще только могли получиться от кредитных операций не ранее, как через 20 лет; дворянству же и купечеству под проценты роздана была лишь крайне незначительная сумма. При таких условиях правительство не получило тех средств, какие ожидалось в виде процентов, а «торговля, рукоделия, ремесла и земледелие» не испытали никакого «обновления»; наоборот, теперь денежный рынок был уже буквально переполнен ассигнациями, которые и начали быстро падать в цене: увеличение количества их теперь шло с такой головокружительной быстротой, что неуклонно продолжавшийся рост торгового оборота страны стал значительно от него отставать.

Хуже всего было то, что финансовые затруднения казны в последнее десятилетие екатерининского царствования продолжали увеличиваться в степени, положительно устрашающей. Вторая турецкая война, второй и третий разделы Польши, столкновение со Швецией — все эти дальнейшие шаги пышно расцветшего при Екатерине II и на русской почве империализма требовали от народа колоссальных жертв, к которым он был совершенно не подготовлен: не забудем, что крепостное право достигло во вторую половину екатерининского царствования своего апогея, и это, помимо ухудшения социально-юридического положения целой половины крестьянства, привело к необычайному росту лежавших на них барщины и оброка — росту, приводившему к настоящему обнищанию; другая же половина крестьянства — различные разряды крестьян государственных — экономически была не менее подавлена до крайности возросшим, как уже отмечалось выше, правительственным тяглом³⁹.

Не только чрезвычайные, но и обыкновенные расходы казны при таких условиях оказывалось все затруднительнее и затруднительнее покрывать с помощью налогов. Немудрено, что дефицит в государственном бюджете продолжал из года в год неуклонно расти, особенно по мере того, как внешняя политика становилась активнее, а армия — многочисленнее. При недостаточности средств, доставляемых внешними займами, — о внутренних займах и думать нельзя было, — правительству оставалось по-прежнему удовлетворять свои военные нужды с помощью дальнейших выпусков бумажных денег. В этом отношении отнюдь не парадоксом является утверждение М. Н. Покровского, что каждый новый миллион ассигнаций давал возможность русскому правительству содержать лишнюю тысячу солдат⁴⁰.

Тот факт, что после того, как в 1787 г. число ассигнаций дошло до 100 милл. руб. и они быстро упали на 7%, — теперь за 100 руб. медной монеты приходилось платить не 102 руб. бумажками, как прежде, а 109 руб., — совершенно не привлек к себе ничего внимания в среде тогдашних государственных финансистов. Это свидетельствовало о том, что в финансовых мероприятиях правительства в последнее десятилетие царствования Екатерины II не было уже никакой системы: их, по выражению Н. Д. Чечулина, «можно определить, разве что с небольшим преувеличением, как своего рода агонию»⁴¹. Для покрытия вызывавшихся целой серией войн расходов, далеко превосходивших доходы государства, снова и снова обращались к источнику, который в свое время надеялись, однажды почерпнув в нем нужные ресурсы, так сказать, запечатать; всего только спустя три года после своего торжественного заявления, что впредь более 100 милл. руб. ассигнаций уже выпущено не будет, Екатерина II во второй раз нарушила свое обещание: в 1790 г. было выпущено вновь ассигнаций на 11.000.000 руб., в 1791 г. — на 6.000.000 руб. и в 1792 г. — на 3.000.000 руб., причем лаж теперь равнялся уже 35%⁴².

Столь крупное падение ценности ассигнаций на первых порах произвело в правительственных кругах некоторое впечатление. По крайней мере, на заседании императорского совета 28 марта 1793 г. впервые было высказано мнение, что «должно также стараться о вынятии из народного обращения 20 милл. руб. ассигнаций, взятых заимообразно из Ассигнационного банка по надобностям сверх установленной (в 1876 г.) сто-миллионной пропорции». Но эти идеи об изъятии из обращения части выпущенных ассигнаций и о долговом характере сумм, расходуемых посредством ассигнационных выпусков, не получили законодательного осуществления. Наоборот, в том же 1793 г. было снова выпущено ассигнаций на 4.000.000 руб., а в следующем — сразу еще на 21.550.000 руб.,

так что общая сумма обращавшихся в стране бумажных денег достигла в 1794 г. 145.550.000 руб., а их курс упал до 140 за 100⁴³. В последний же год царствования Екатерины II всего находилось в обращении уже 157.703.640 руб. ассигнациями, с курсом в 68½ копеек за ассигнационный рубль, т. е. 146 за 100. Следствием было то, что не только серебряные, но и медные деньги стали совершенно исчезать из обращения. Правительство буквально не знало, что предпринять, и в его среде встречали к себе полное доверие самые фантастические проекты. Об одном из таких проектов любопытные сведения передает граф Ф. В. Растопчин. «Самойлов, — пишет он в одном из своих писем, — не знаю, по чьему внушению, вздумал войти с предложением бить новую монету соответственно теперешней ее ценности. На это едва было не согласились, находя, что мера эта будет выгодна, так как ею замедлится вывоз монеты за границу; но не принято во внимание, что бумажные деньги останутся все те же, и что нельзя заставить принимать их в одну цену с новой монетою, достоинство которой будет лишь воображаемое»⁴⁴. Уже одно появление подобного рода проектов девальвации наглядно свидетельствовало, что и в России, хотя и медленно, но неуклонно, бумажно-денежное обращение на первой стадии своего существования принимало тот же катастрофический характер, что и в большинстве других европейских государств.

С наступлением нового царствования правительство первое время было серьезно озабочено изысканием мер, которые могли бы способствовать поднятию курса ассигнаций. «В целях обеспечения кредита государственного и блага общего», Павел I указом, данным 18 декабря 1797 г. Сенату, прямо признал бумажные деньги «истинным общенародным долгом на казнь» и повелел начать постепенное изъятие части их из обращения⁴⁵. В силу этого был начат обмен ассигнаций на золотую и серебряную монету, с лажем в 30 %, а потом в 40 %, и уничтожение выменанных денежных знаков. Однако этим путем за 1797–1800 гг. было изъято из обращения ассигнаций всего только на 1.299.640 руб. Вслед за тем начались новые выпуски бумажных денег, особенно усилившиеся в период войны с французами, так что к 1801 г. состояло в наличности уже 212.689.335 руб. ассигнациями, с лажем в 51 %⁴⁶; другими словами, к выпущенным при Екатерине II за 27 лет 157 милл. руб. бумажными деньгами прибавилось выпущенных при Павле I за 4 года почти 55 милл. руб.!

Еще более значительным стало выбрасывание ассигнаций на денежный рынок при Александре I, хотя и он, подобно своему отцу, на первых порах намеревался рано или поздно восстановить курс бумажных денег:

новый выпуск ассигнаций в размере 70 милл. руб., уже решенный при Павле, был, по указу от 10 апреля 1801 г., приостановлен. Но тут нагинулись войны с Наполеоном, и от добрых стремлений не осталось и следа. В течение первых десяти лет XIX века государственный дефицит России непрерывно возрастал, дойдя к 1810 г. до 366.600.274 руб.⁴⁷ Немудрено, что уже в 1801–1806 гг. количество ассигнаций увеличилось наполовину, поднявшись до 319.239.960 руб., хотя при этом ассигнационный рубль все еще сохранял свыше $\frac{3}{4}$ своего нарицательного достоинства; но курс бумажных денег стал быстро падать, когда с 1807 г. начались новые огромные выпуски их (рис. 4). В 1807 г., напр., ассигнаций вновь появилось на 63.089.545 руб., в 1808 г. — на 95.039.075 руб., в 1809 г. на 55.832.720 руб. и в 1810 г. — на 46.172.580 руб., так что к этому году сумма всех обращавшихся в стране бумажных денег достигла колоссальной цифры в 579.373.880 руб., а их курс упал до 25% своей нарицательной стоимости⁴⁸. Чтобы нагляднее представить себе эту цифру, надо иметь в виду, что русский государственный бюджет того времени был менее 300 милл. руб. в год!

III

Такое быстрое увеличение количества ассигнаций и такое сильное падение их курса, само собой разумеется, чрезвычайно тяжело отразились на экономической жизни страны: цены на все товары значительно повысились, всякого рода имущественные отношения утратили прочность, кредитные сделки крайне затруднились, производительная деятельность приняла характер спекулятивный, словом, все народное хозяйство было потрясено в своих основах. В ужасном положении, естественно, очутилось и государственное казначейство, получавшее теперь свои доходы в обесцененных ассигнациях⁴⁹. А между тем правительство более чем когда-либо нуждалось в средствах для покрытия чрезвычайных военных расходов совершенно исключительного характера, так как в это время наступательная борьба с Наполеоном переходила в оборонительную, целью которой было уже не подавление гидры французской революции, а защита государственной независимости России, в прямом смысле. Найти выход из такого положения другие страны большею частью оказывались в состоянии только посредством открытого государственного банкротства, пример чему, как это отмечено выше, в ближайшем будущем показала Австрия, в которой указом 20 февраля 1811 г. масса банкотетелей в 678 милл. руб. нарицательных была превращена в 135 милл. руб. нового вида бумажных денег. Но в России, денежные

капиталы в которой были весьма незначительны, а естественные богатства огромны, решено было испробовать иной путь. Для этого Александр I привлек к делу реформы финансового хозяйства казны деятеля, который прямо поставил своей задачей именно спасение государства от банкротства.

М. М. Сперанский, задумавший в столь критический момент вообще поднять государственный кредит, предложил Александру I целый ряд мер, непосредственно направленных к улучшению бумажно-денежного обращения в стране. Его смелый «План финансов»⁵⁰ по повелению царя был внесен в Государственный совет, где после тщательного и временами страстного обсуждения получил одобрение. Следствием этого явился манифест 20 июня 1810 г.⁵¹, установивший, вместо действовавшей со времен Екатерины II, на основании указа 30 марта 1764 г.⁵² монетной системы, новую систему, основанную на серебряном монометаллизме и признающую монетной единицей только серебряный рубль в 4 золотника и 21 долю чистого металла. Вместе с тем этот манифест определил, что новая монетная система будет иметь во всей империи единообразную силу и действие; до этого же времени в России, как, впрочем, и в большинстве западноевропейских государств, господствовало так называемое «параллельное» или совместное обращение разных монет — медных, серебряных и золотых, отечественных и иностранных, притом очень различного достоинства, которое неоднократно было изменяемо в интересах фиска. Такого рода денежное обращение порождало крупные затруднения в экономической жизни страны, ибо, как справедливо выразился в своем «Плане» Сперанский, «государство, в коем нет твердой монетной единицы, находится в том же положении, как бы не было в нем меры и весу». Это неудобство было осознано уже правительством Екатерины II, которое в упомянутом выше указе впервые установило законное отношение стоимости золота к стоимости серебра как 15 к 1, и тем положило основание для окончательного устройства монетной системы, произведенного Сперанским в 1810 г.

Помимо введения новой денежной единицы — серебряного рубля, — имевшей крупное значение для обеспечения государственного кредита, Сперанским были предприняты и непосредственные шаги для поднятия ценности ассигнаций, сведенных теперь на степень вспомогательных денежных знаков. В этих видах манифест 2 февраля 1810 г. снова подтвердил постановление Павла I, что все государственные банковые ассигнации являются действительным государственным долгом, обеспеченным всеми богатствами империи, и еще раз обещал, что дальнейший выпуск их отныне будет прекращен⁵³. Другой манифест от 13 апреля того же года

ограничивал всю массу обращавшихся в стране ассигнаций круглым числом в 577 милл. руб., повелев остальные 373.880 руб. уничтожить⁵⁴. Для уменьшения в будущем количества ассигнаций и погашения государственных долгов манифестом 27 мая того же года был открыт срочный внутренний заем ассигнациями в 100 милл. руб.: ассигнации, выручаемые этим займом, по мере их поступления в казну, должны были предаваться публичному сожжению⁵⁵. В дополнение к развитию серебряной валюты 29 августа того же года было утверждено Александром мнение Государственного совета, по которому определялось все казенные подряды и поставки заключать только на серебро, с платежом ассигнациями по среднему петербургскому курсу ближайших к платежу четырех месяцев. Кроме того, то же мнение предоставляло министру финансов право распространить и переложение на серебро и на все другие счета, с определением ежегодного постоянного курса ассигнациям⁵⁶. Наконец, манифест от 10 сентября того же года постановил, чтобы для составления особого капитала погашения долгов из государственных имуществ, которые всегда служили для ассигнаций как бы залогом, была отделена известная часть для продажи в частную собственность⁵⁷.

Все эти меры, можно думать, оказали бы со временем свое действие, если бы проведение их в жизнь выпало на долю их инициатора. Но 17 марта 1812 г. Сперанский, в угоду дворянству, ненавидевшему его, особенно за его проекты освобождения крестьян, и по воле Александра I, недовольного слишком поспешной — с точки зрения самодержца — выработкой порученного ему самим же царем проекта конституции, был неожиданно удален от дел⁵⁸, и правительство, под влиянием нового министра финансов, графа Д. А. Гурьева, взялось за общий пересмотр всех изданных в 1810 г. в финансовой области узаконений. В том же году оно провело, прежде всего, меру, губительно отразившуюся на новом устройстве системы звонкой монеты, введенном Сперанским, — мы имеем в виду манифест от 9 апреля 1812 г., повелевавший «на всем пространстве империи счета и платежи, с издания сего, основать на государственных банковых ассигнациях»⁵⁹. С этого времени установилась в России новая система денежного обращения, состоявшая в совместном существовании сильно понизившихся ассигнаций и звонкой монеты, на которую ассигнации выменивались только с очень высоким лажем. Таким образом рядом с серебряным рублем теперь, — говорит И. И. Кауфман, — «создался ассигнационный рубль, как самостоятельная денежная единица, глубоко проникшая в нравы населения и продержавшаяся почти вплоть до Крымской войны, хотя уже в 1839 г. закон стал преследовать счет на ассигнации»⁶⁰.

Особое содействие установлению этой новой денежной системы оказали военные события 1812–1815 гг., стоившие России свыше 500 милл. руб. Чтобы выдержать всю тяжесть столь громадных расходов, правительство прежде всего попыталось значительно увеличить обложение. Так, подушная подать с крестьян, находившихся в крепостной зависимости, была повышена до 3 руб., налог на соль с 40 коп. был доведен до 1 руб. за пуд, несколько подняты налоги промысловые, таможенные сборы и разные пошлины. Эти меры, однако, не спасли государство от огромных дефицитов, несмотря на то, что в пору Отечественной войны и затем войны за освобождение Европы героическим усилиям войсковых частей вполне соответствовало героическое напряжение финансовой изобретательности казны. Для покрытия, напр., дефицита 1812 г. правительству пришлось прекратить выдачу ссуд из государственных кредитных установлений, приостановить все общественные постройки, обратить в распоряжение государственного казначейства все свободные суммы городских управ, остановить «по городам время терпящие расходы», вообще сократить общегосударственные траты; кроме того, было выпущено на 6–10 милл. руб. краткосрочных 6%-х облигаций государственного казначейства специально для уплаты приобретаемых интендантством предметов продовольствия армии, а также прекращена выдача процентов по голландскому займу. Однако всех этих мер оказалось недостаточно. Не могла помочь как следует даже и субсидия в 66 милл. фунтов стерлингов, которую стала выплачивать с 1813 г. Англия⁶¹. Понятно, что для полного покрытия расходов по-прежнему оставалось единственно возможным прибегать лишь ко все новым и новым выпускам бумажных денег: уже в 1811 г., еще до открытого разрыва с Наполеоном, траты, связанные с подготовкой армии для предстоящей борьбы, потребовали выкинуть на денежный рынок, за произведенным Сперанским погашением, до 4.400.000 руб. ассигнациями; теперь же, с началом военных действий, выпуски этих последних стали производиться в совершенно небывалых до того размерах: в 1812 г. новых ассигнаций сразу появилось на 64.500.000 руб., в 1813 г. — на 103.440.000 руб., в 1814 г. — на 48.791.500 руб. и в 1815 г. — на 27.697.800 руб. Вполне понятно, что курс бумажного рубля в 1812–1813 гг. упал до 25,2 коп. сер., а в 1814–1815 гг. — даже до 20 коп.⁶²

Одной из причин столь быстрого увеличения лажа, кроме самого числа ассигнаций, во много раз превосходившего количество благородных металлов в казне, было и появление массы трудно отличимых, особенно умножившихся со времени нашествия французов, подделок (рис. 5). Благодаря этому обстоятельству произошло, например, то, что,

когда при выступлении русских войск за границу был объявлен свободный ход бумажных денег в Германии, немцы, которых русская армия освобождала от наполеоновского деспотизма, отблагодарили русское правительство тем, что стали относиться к русским бумажным деньгам с крайним недоверием: они принимали ассигнации лишь после того, как последние были освидетельствованы особыми конторами в Кенигсберге и Берлине⁶³. Но и при этом условии немцы старались как можно скорее освободиться от ассигнаций, и их уже в начале 1814 г. в один только Петербург было представлено в обмен на звонкую монету почти до 30 милл. руб.; сумму эту в металлической валюте русское правительство сразу выдать, естественно, оказалось не в состоянии, что еще более способствовало падению достоинства бумажного рубля⁶⁴. Лишь меры, принятые несколько позже для оплаты ассигнаций, снова вернули некоторое доверие к ним за границей, подняв достоинство их до 25 коп. за рубль, и эта цена не изменилась в продолжение 1816 и 1817 гг., когда последовали новые, правда, не особенно крупные, выпуски бумажных денег, а именно: в 1816 г. на 5.600.000 руб., а в 1817 г. — на 4.576.300 руб. Теперь число всех обращавшихся в стране ассигнаций достигло колоссальной суммы в 836 милл. руб., с лажем в 25 $\frac{1}{6}$ %⁶⁵. Другими словами, расстройство денежного обращения было гораздо более глубоким, чем перед Отечественной войной, а между тем уже тогда была вполне осознана необходимость самых радикальных шагов, направленных в сторону уменьшения количества ассигнаций и возможного выравнивания их курса.

Немудрено, что при таких обстоятельствах, лишь только несколько упрочилось международное положение в Европе, правительство Александра I решило серьезно взяться за лечение наших финансов, положение которых наглядно характеризуется уже одной наличностью государственного долга, доходившего до 1.200.000.000 милл. руб. и, таким образом, превышавшего раза в четыре тогдашний годовой бюджет государства⁶⁶. Единственная надежда на спасение заключалась в возможно быстром и энергичном осуществлении финансово-экономической программы Сперанского: согласно ей, министр финансов Гурьев признал, что для восстановления более или менее нормального состояния казны следует, прежде всего, стремиться к возвышению ценности ассигнаций до их уравнивания с серебром; средством же для достижения этой цели должно было служить изъятие части их из обращения путем предоставления для этого доходов с государственных имуществ и сумм, полученных от займов. В этих видах манифестом 16 апреля 1817 г. была преобразована учрежденная еще Сперанским комиссия по-

гашения государственных долгов; теперь на нее возложили обязанность постепенно извлекать ассигнации из обращения до тех пор, пока курс их приблизится к стоимости звонкой монеты. На этот предмет было предположено ежегодно отпускать: 1) 30 милл. руб. из доходов с государственных имуществ, 2) все остаточные суммы от уплаты срочных внешних и внутренних долгов, 3) остатки, какие могут последовать от ежегодных государственных доходов, и 4) деньги, полученные за проданные государственные имущества.

В целях наблюдения над деятельностью этой комиссии и для ревизии отчетов государственных кредитных установлений, по указу 7 мая 1817 г., был учрежден Совет государственных кредитных установлений, состоявший из председателя и трех членов Государственного совета, министра финансов и государственного контролера, которые все были непременно членами, и из двенадцати представителей от дворянства и купечества. Для скорейшего же уменьшения количества обращавшихся ассигнаций, на основании высочайших положений 10 мая 1817 г. и 16 июня 1818 г., был еще открыт прием добровольных вкладов в названную комиссию; вклады эти обращались в обеспеченный бессрочный долг и приносили по 6% непрерывного дохода. Таким путем казна получила в 1817 г. 28.252.237 руб. 82¼ коп. и в 1818 г. — 80.084.400 руб.⁶⁷ Помимо этих внутренних займов, для такого же назначения, правительство заключило два займа за границей: один, по высочайшему указу от 16 августа 1820 г. — у братьев Беринг в Лондоне и Гопе в Амстердаме в 40 милл. руб. серебром, другой, по высочайшему указу от 23 июня 1822 г., — у Ротшильда в 43 милл. руб.⁶⁸

Суммы, поступившие по этим четырем внутренним и внешним займам, вместе с указанными доходами от государственных имуществ, дали возможность комиссии погашения долгов в течение 1818–1822 гг. сжечь ассигнаций на 236.077.745 руб.; кроме того, вследствие производившегося с 1820 г. обмена прежних ассигнаций на ассигнации нового образца, оказалось не предъявленных к обмену в назначенные сроки на 4.146.040 руб., так что всего, можно считать, к 1823 г. было изъято из обращения бумажных денег на 240.223.690 руб.; за вычетом этой суммы из 876 милл., на которые ассигнаций состояло к 1818 г., их осталось в обращении на 595.776.310 руб. В таком количестве ассигнации пребывали неизменно вплоть до 1843 г., т. е. до замены их кредитными билетами, так как дальнейшее изъятие их из обращения новый министр финансов Е. Ф. Канкрин признал неудобным: эта операция, действительно, чересчур обременяла государство огромными долгами, требовавшими ежегодно больших сумм для уплаты процентов, на достоинство

же ассигнационного рубля ощутительного влияния не оказывала⁶⁹. Но зато изъятие из обращения хотя бы только части ассигнаций значительно усилило спрос на звонкую монету, скрывавшуюся ранее по рукам в бездеятельном состоянии или уходившую за границу. Таким образом, — справедливо указывается в официальной «Истории Министерства финансов», — в результате произведенного погашения ассигнаций получились довольно неожиданные последствия: вместо поднятия их курса произошло довольно прочное укрепление его на известном среднем уровне; потребность же оборота в увеличении денежных знаков удовлетворялась приливом звонкой монеты, которая стала мало-помалу проникать во все каналы обращения⁷⁰.

IV

В связи с мероприятиями Александра I по упорядочению денежного обращения в стране стоит и образование особого учреждения, занятого изготовлением бумажных денег и получившего наименование Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг.

На первых порах русские бумажные деньги изготовлялись теми же приемами и способами, как и всякие другие бумаги. В XVIII столетии бумажное производство и типографское искусство не только у нас, но и в Западной Европе стояли еще на очень невысокой ступени развития и не давали способов выработки бумаги и печатания особенно сложных. Бумага для русских ассигнаций, лучшего по тому времени качества, приготавливалась с 1768 по 1785 г. на Красносельской бумажной фабрике. Фабрика эта была основана в 1716 г. Петром Великим, в 1753 г. пожалована Елизаветой Петровной действительному камергеру и обергофмаршалу графу Сиверсу «в потомственное содержание», и после его смерти женой его продана, в 1775 г., генерал-аудитор-лейтенанту Хлебникову⁷¹. На Красносельской фабрике, судя по данным начала XIX века, находилось три группы строений, расположенных по течению реки и называвшихся верхней, средней и нижней фабриками (рис. 6). Каждая из этих фабрик заключала в себе ряд каменных и деревянных корпусов, в которых были расположены черпальная и рольная мастерские, мастерская для проклейки бумаги, сушильни, сараи, «завод для беления тряпья», кузница, наконец, жилые помещения. Красносельская фабрика, как и подавляющее большинство других бумагоделательных фабрик в России, пользовалась водяной механической силой. Гидротехнические сооружения на ней представляли собой плотину длиной 56 саж., шириной в 5 саж., при глубине воды в 3 саж.; вольный шлюз между столбами

имел 1½ арш. ширины и 2 арш. в глубину; ларь для воды — 8 саж. длины и 2½ фута глубины; второй спуск — 6 саж. и длина третьего ларя у вольного шлюза 10 саж. Плотина второй фабрики была в 54 саж. длины и в 5 саж. ширины. Само собой разумеется, что в 70-е годы XVIII столетия Красносельская фабрика была несколько меньше, но вообще она являлась одной из крупных среди остальных русских бумагоделательных фабрик: так, в начале XIX века на ней изготовлялось до 20.000 стоп писчей бумаги⁷². На этой фабрике и решено было в 70-е годы XVIII столетия вырабатывать также и бумагу для ассигнаций. Так как главное заведование всем делом выпуска последних было поручено Екатериной II Сенату, то для надзора за производством ассигнационной бумаги, как видно из сенатского указа 11 мая 1769 г., на Красносельскую фабрику командировался каждый раз один из сенатских экзекуторов, с записью такового командирования в сенатском журнале⁷³. Что касается самого печатания и штемпелевания ассигнаций, то оно производилось в сенатской типографии, также под надзором специально приставленного к этому делу лица, и при Сенате же, в особой экспедиции, хранились и приготовленная ассигнационная бумага, и отпечатанные ассигнации⁷⁴. Чтобы быть выпущенными в обращение, ассигнации первоначально подписывались двумя сенаторами и главным директором банков, после чего поступали в тот или другой банк, где, в свою очередь, подписывались еще одним директором⁷⁵. При этом в сенате велись особые списки, в которых указывалось, какие номера ассигнаций какими сенаторами подписывались. Вскоре для уменьшения первоначально принятых формальностей указом, данным Сенату 8 мая 1769 г., было повелено подписывать ассигнации или одному главному директору, или одному из советников правления банков, и тем и другим ассигнациям иметь равное преимущество и достоинство⁷⁶.

Первоначально государственные ассигнации были выпущены достоинством в 100, 75, 50 и 25 руб. и разделялись на с.-петербургские и московские: по первым платеж производился в С.-Петербургском банке, по вторым — в Московском (рис. 7). Все они были напечатаны на белой бумаге, имевшей форму четырехугольника, по сторонам которого находились внутренние просвечивающиеся прописи: вверху — *любовь къ отечеству*, внизу — *действуетъ къ пользу онаго*, с левой стороны — *государственная казна* и с правой — достоинства ассигнации прописью и церковными буквами, означавшими число рублей. Прописи эти ограничивались с четырех сторон просвечивающимися полосками, в виде рамки (рис. 7в). Вверху был напечатан черной краской номер ассигнации, под ним вытиснены два сухие штемпеля, а еще ниже напечатано:

объявителю сей государственной ассигнации платить с.-петербургскій (московскій) банкъ сто (75, 50 или 25) рублей ходячею монетою (такой-то) годъ, С.-Петербургъ (Москва). Под этими словами следовали подписи вышеуказанных лиц, сделанные собственноручно чернилами; под каждой из подписей был еще раз напечатан номер ассигнаций⁷⁷. Благодаря чрезвычайной простоте выделки ассигнаций сейчас же после выпуска в свет последних началась и их подделка. Прежде всего появились фальшивые бумажные деньги 75-рублевого достоинства, искусно переделанные из бумажных денег 25-рублевого достоинства, на которых выскобленные цифра 2 и слово *двадцать* были заменены цифрой 7 и словом *семьдесятъ*. Вследствие этого именным указом от 20 июля 1771 г. эти ассигнации были изъяты из обращения, и впредь было решено их больше не выпускать. Отметим при этом, что первыми злоумышленниками, пойманными на производстве фальшивых ассигнаций, были братья Михаил и Сергей Алексеевичи Пушкины, Федор Сукин и француз Баро, которого Екатерина II считала главным «начинщиком» и который действовал главным образом по приобретению в Голландии необходимых инструментов. Все они, за исключением последнего, были заключены в 1772 г. в Соловецком монастыре⁷⁸. Вскоре, однако, производство фальшивых ассигнаций и остальных достоинств стало явлением настолько распространенным, что было признано необходимым ввести бумажные денежные знаки нового, более трудного для подделки вида⁷⁹.

В этих именно целях именным указом 30 января 1785 г. была поручена в особое ведение непосредственного инициатора выпуска в России бумажных денег, князя А. А. Вяземского, специально устроенная в Царском Селе «бумажная мельница», которая должна была вырабатывать бумагу, предназначенную исключительно для новых ассигнаций, так, чтобы она «во всем разнилась» от производимой тогда в России, и чтобы никто не мог уже «подделываться» под эту бумагу «как в белизне её, так в прочности, тонкости и мягкости»⁸⁰. Для этого «скрытым образом из чужих краев» доставлены были «машины», каких не было ни на одной частной русской бумажной фабрике, «да и самый мастер и подмастерья выписаны были тайным образом таковые, каковых в искусстве делания бумаги» также в России не находилось; при работах было предписано соблюдать строжайший секрет⁸¹. Во главе Царскосельской бумажной мельницы был поставлен особый казенный пристав, коллежский асессор И. Х. Тессин⁸².

Царскосельская бумажная мельница стояла в связи с Экспедицией заготовления листов для государственных ассигнаций, учрежденной при Сенате рядом с упомянутой выше Экспедицией хранения государ-

ственных ассигнаций. Один из советников этой экспедиции, коллежский советник В. А. Небольсин, имел ближайшее смотрение за мельницею. Распоряжения о заготовлении определенного количества бумаги для ассигнаций исходили непосредственно от генерал-прокурора Вяземского, сосредоточившего, как известно, в царствование Екатерины II в своих руках общий надзор за государственными доходами и расходами; доставлял их на мельницу помощник того советника, который эту мельницу ведал; во время самого производства бумаги этот помощник обязан был неотлучно находиться в мастерских и лично наблюдать за исполнением заказа; от самого же советника требовалось лишь время от времени внезапно наезжать в Царское Село и проверять работу.

Изготовленную на мельнице бумагу, с соблюдением различных предосторожностей, отвозили в Петербург и передавали по-прежнему в типографию при Сенате, более известную теперь под именем «ассигнационной типографии» и также подчиненную, подобно Царскосельской мельнице, вышеназванной экспедиции⁸³. Здесь ассигнационные листы печатались, штемпелевались и нумеровались⁸⁴. Насколько еще примитивны были подобного рода работы, можно судить по тому, что в наставлении, которое было дано в 1785 г. Вяземским упомянутому Небольсину, непосредственно ведавшему все дело заготовления ассигнаций, поручалось его особенному вниманию, чтобы водяные знаки на бумаге, при печатании, не приходились вверх ногами, чтобы строки текста были печатаемы прямо, чтобы штемпеля были поставлены точно, на своем месте⁸⁵.

Указом, данным Сенату 16 марта 1786 г., повелевалось «печатать государственные ассигнации по новому образцу на бумаге нового состава» и, «заготовя то число новых ассигнаций, сколько потребно на вымен всех доньше из банков выданных, назначить полугодовой срок для приноса прежних ассигнаций в государственные ассигнационные банки и в их конторы»; вместе с тем Сенату поручалось «для повсеместного обнародования о новых банковых ассигнациях составить подробное описание и разослать во все губернии с образцовыми разных цен ассигнациями»⁸⁶.

В силу этого предписания Сенат 10 апреля того же года разослал следующее описание государственных ассигнаций нового образца достоинством в 100, 50 и 25 руб.: «Сии ассигнации на белой вновь сделанного состава бумаге, с штемпелями прежнего изображения, за подписью: одного советника правления банков, одного банкового директора и одного кассира, троякого достоинства и разных видов»: 100-рублевая имела вид равностороннего четырехугольника, 50-рублевая — продолговатого четырехугольника, с двумя наискось отнятыми, наподобие отрезанных, долями,

и 25-рублевая — тоже продолговатого четырехугольника, но уже со всеми четырьмя отнятыми, наподобие отрезанных, углами (рис. 8). На всех ассигнациях, по сторонам четырехугольника, находились прежние просвечивающиеся прописи: *любовь къ отечеству — действует къ пользѣ онаго — государственная казна — столько-то рублей* (рис. 9), причем число по-прежнему повторено было еще церковной цифрой. Новостью были изображенные по углам, между прописями, гербы 4-х царств: Астраханского, Московского, Казанского и Сибирского, с принадлежащею каждому из них короной. Между штемпелями были напечатаны: номер, стоимость ассигнации цифрами и под этим в строках складом: *объявителю сей государственной ассигнаціи платитъ ассигнаціонный банкъ столько-то рублей ходячею монетою*. Под этой надписью в левой стороне ставился год, подле года, в черном поле, складом — цена беглыми буквами, а под годом — буквы *Д. Б.*, означавшие: «Директор Банка»; ниже следовали два номера, а на обороте, под штемпелями в левой стороне — буквы *Сов. Пр. Б.*, означавшие: «Советник Правления Банка»⁸⁷.

Вскоре к ассигнациям вышеуказанных трех крупных достоинств присоединены были мелкие ассигнации, в 10 и 5 руб (рис. 10). Манифестом 28 июня 1786 г. их решено было выпускать в каждом миллионе рублей на 1/10 всего количества. 10-рублевые ассигнации печатались на красной, а 5-рублевые — на синей бумаге; и те и другие имели такие же внутренние прописи, что и предыдущие, только 10-рублевые отличались тем, что пропись: *объявителю* и проч., напечатана была наискось от нижнего левого угла к правому верхнему⁸⁸.

V

Устройство особой бумажной фабрики в Царском Селе и введение нового образца ассигнаций находились в связи с рассмотренным выше проектом графа А. П. Шувалова об усилении бумажно-денежного обращения в стране. Желая довести сумму обращающихся в стране бумажных денег до 100 милл. руб., из которых половина предназначалась на замену старых, Екатерина II заодно решила преобразовать и кредитные учреждения. Вместо прежних Дворянского и Купеческого банков, далеко не способствовавших облегчению кредита, был устроен, по вышеупомянутому манифесту 28 июня 1786 г., на более широких основаниях, Государственный заемный банк, в капитал которого для раздачи в ссуду дворянству и городам должно было поступить новых ассигнаций на 33 милл. руб. Вместе с тем были преобразованы и самые ассигнационные банки в Петербурге и Москве, образовавшие из себя особый Го-

сударственный ассигнационный банк⁸⁹. По уставу, изданному 4 января 1787 г., последний в деле выпуска ассигнаций заменил собой до известной степени Сенат: теперь подписывание и выдача ассигнаций были предоставлены правлению банка. Так как ст. 52-я названного устава постановляла, что государственные ассигнации впредь имеют быть делаемы под ведением государственного казначея, то упомянутая выше Экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций⁹⁰ вошла с этого времени в общий состав, правда, не сливаясь окончательно с подчиненной казначею Экспедицией о государственных доходах, которая, ведая заготовкой листов для ассигнаций и печатанием последних, от себя препровождала отпечатанные ассигнации в Ассигнационный банк, и «в распоряжение того» Сенат уже не входил. На обязанности последнего оставалось лишь истребление бракованных и испорченных ассигнационных листов, чем ведала прежняя Экспедиция хранения государственных ассигнаций, и то только до 1800 г., так как с этого времени, по повелению Павла I, последовавшему на докладе генерал-прокурора, истребление негодных ассигнаций также было возложено на правление Ассигнационного банка⁹¹.

Что же касается Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций, то, по мере увеличения в 1786–1817 гг. обращающихся в стране ассигнаций, деятельность её, естественно, все более расширялась. Первые годы по учреждении она находилась в здании Сената⁹², затем перешла в здание медико-хирургического корпуса, а позже — в дом, снятый внаем у полковника Храповицкого, где поместилась также и ассигнационная типография, выделившаяся, как можно думать, с этого времени из сенатской; с последовавшим уже после Отечественной войны сокращением своей деятельности экспедиция эта была переведена, по предписанию министра финансов от 8 августа 1818 г., в здание Государственного заемного банка⁹³. Во главе экспедиции стоял советник, имевший сначала одного помощника, с 1800 г. — двух⁹⁴, а с 1803 г. — трех⁹⁵. Первым советником был, как это уже указано выше, В. А. Небольсин, вторым, с 1795 г. и до закрытия, — А. И. Антонов. Количество чиновников и прочих служащих в Экспедиции с течением времени все более увеличивалось. Первоначальный штат её действовал до 1799 г., когда, 16 июля, уступил место новому⁹⁶; дальнейшее изменение его последовало 3 ноября 1803 г.⁹⁷, одновременно с введением нового штата и на Царскосельской фабрике, производившей ассигнационную бумагу.

Чтобы иметь возможность сравнить с Экспедицией Заготовления Государственных Бумаг, сменившей в 1818 г. Экспедицию заготовления листов для государственных ассигнаций вместе с её типографией и

бумажной фабрикой, остановимся несколько на штате и бюджете трех последних учреждений, введенном в 1803 г. В Экспедиции заготовления листов были: один советник с жалованьем в 2.000 руб., трое его товарищей, с окладом по 1.000 руб. каждый, пять ревизоров для свидетельствования ветхих ассигнаций, получавших по 800 руб. каждый, один бухгалтер с таким же содержанием, несколько бухгалтерских помощников, канцелярских чиновников и сторожей, которым выдавалось вознаграждение из 2.000 руб., ассигнованных вообще на канцелярские расходы. Таким образом, всего на экспедицию было положено 11.800 руб.

В типографии, печатавшей ассигнации, находилось 29 чел., и на их содержание выдавалось 6.094 руб. Из них 650 руб. было ассигновано на типографские расходы, как, напр., на гарт для прибавления новых литер, на олифу, краску, кожу, поташ и прочие материалы, наконец, на починку станков. Остальная же сумма шла на содержание личного состава, среди которого были: один фактор с жалованьем в 350 руб. в год, один факторский помощник с жалованьем в 250 руб. и один словолитец с жалованьем тоже в 250 руб.; при печатании ассигнаций находилось: двое тередорщиков, старший и младший, получавшие 250 и 200 руб., и пять батырчиков, с содержанием по 150 руб. каждому; при нумеровании ассигнаций и печатании бумаг для разных казенных мест состояло восемь наборщиков, с жалованьем по 200 руб. каждому, и при штемпельвании ассигнаций трое штемпельщиков, получавших по 200 руб., и трое помогавших им рабочих, с содержанием по 150 руб. каждому; наконец, было еще двое сторожей, получавших по 72 руб. Кроме того, выдавалось еще 3.000 руб. на отопление, освещение и ремонт здания, занимаемого экспедицией и её типографией.

Сравнительно невелики были по штату того же 1803 г. расходы и личный состав также и на Царскосельской бумажной фабрике. Во главе её стоял казенный пристав с жалованьем в 1.500 руб. Затем на ней были бухгалтер, исполнявший обязанности и комиссара при денежной казне, получавший 1.200 руб., и его помощник с содержанием в 500 руб. Число нижних служителей не было определено, но на них полагалось всего 600 руб. В самом же производстве бумаги участвовало 44 человека. В числе их были: один мастер, получавший 1.600 руб., двое подмастерьев с жалованьем в 500 и 300 руб., один красильщик с содержанием в 500 руб., двое формовщиков, получавшие 300 и 200 руб., и при них двое учеников с жалованьем по 120 руб., шесть черпальщиков, из которых двое получали по 200 руб., а четверо — по 150, шесть валяльщиков с жалованьем по 140 руб. и столько же выметчиков с жалованьем по 120 руб., шесть учеников бумажного дела, получавших по 96 руб., и

9 мальчиков, получавших по 40 руб., двое столяров с жалованьем в 200 и 150 руб. и при них один ученик, получавший 96 руб., наконец, двое чернорабочих, жалованье которым не было определено штатом⁹⁸. Таким образом, всего на рабочих предназначалось 11.422 руб. При фабрике находились еще для исполнения караульной службы унтер-офицер и капрал, получавшие первый — 100 руб., а второй — 72 руб., и 19 инвалидов, с жалованьем по 60 руб. каждому; им же на сюртуки и нижнее белье ежегодно выдавалось еще по 12 руб. на человека, то есть 252 руб., так что всего на их содержание шло 1.564 руб. Сверх того, на основании прежнего положения, ежегодно выдавалось 6.000 руб. на наем квартир для мастеровых, на отопление и освещение фабричных помещений, на починку машин и инструментов и вообще на всякие расходы, за исключением покупки материалов для производства бумаги. Таким образом, на все расходы по содержанию фабрики было ассигновано 18.986 руб.⁹⁹

Сложив эту сумму с 20.894 руб., которые предназначались на экспедицию и типографию при ней, получим 39.870 руб.; это и была сумма расходов государственной казны в начале XIX века на содержание всех трех учреждений, ведавших изготовлением денежных бумажных знаков. С таким, приблизительно, штатом и бюджетом учреждения эти просуществовали до своего упразднения. По крайней мере, известно, что в 1818 г. на Царскосельской бумажной фабрике числилось 53 мастеровых с одним мастером, Иоганом Кюнером, и 17 инвалидами¹⁰⁰.

Советнику экспедиции, как это видно из вышеупомянутых правил 1785 г. и позднейших указаний¹⁰¹, принадлежало общее руководство делом приготовления бумаги и печатания ассигнационных листов; непосредственный же надзор за производством работ на фабрике и в типографии лежал на обязанности его двух помощников, в то время, как третий ведал хранение приготовленных ассигнаций в кладовой экспедиции. Экспедиция, в свою очередь, давала, начиная с царствования Павла I, ежемесячные отчеты относительно количества приготовленных бумаг и состояния денежных сумм государственному казначею¹⁰², заменившему в этом отношении генерал-прокурора екатерининского времени. Кроме того, бумажная фабрика непосредственно контролировалась еще Экспедицией для свидетельства счетов, в которую она была обязана ежегодно доставлять свои шнутовые книги¹⁰³.

Царскосельская бумажная фабрика и ассигнационная типография фактически прекратили свое существование в 1818 г., слившись с открытой в этом году Экспедицией Заготовления Государственных Бумаг. Их упразднение было вызвано тем обстоятельством, что они ни по своим размерам, ни по своему техническому оборудованию не были в

состоянии выполнить предпринятую правительством замену старых ассигнаций новыми. Обычно в первые годы XIX столетия ими было готовится около 4 милл. ассигнационных листов ежегодно, и только в 1812 и 1813 гг. это количество удалось увеличить до 9 милл. При этом изделия как бумажной фабрики, так и типографии оставались чрезвычайно примитивными и несколько не гарантировали от возможности подделки; расширить же эти заведения до необходимых размеров и улучшить их технические средства оказалось гораздо дороже, чем построить новую фабрику¹⁰⁴.

Что касается самой Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций, то она просуществовала до начала 1822 г., но, по мере уменьшения с 1818 г. обращающихся в государстве бумажных денег и прекращения новых выпусков их, деятельность её, понятно, сокращалась: теперь она занималась лишь обменом ассигнаций старого образца на новые. Вследствие этого должен был постепенно уменьшаться и личный состав её. В 1820 г. 17 служащих её было перечислено в открытую в 1818 г. Экспедицию Заготовления Государственных Бумаг, так что к 1822 г. в ней насчитывалось всего только 6 человек¹⁰⁵. В самом начале этого года управляющий всеми частями Государственного ассигнационного банка и начальник Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, князь А. Н. Хованский, вошел с докладом к министру финансов, в котором указал, что до 1822 г. Экспедиция заготовления листов представила в банк к обмену старых ассигнаций на 436.475.000 руб., так что невымененных ассигнаций остается на 358.045.000 руб., и предложил, в виду того, что обмен этих последних мог затянуться, поручить это дело Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, а Экспедицию заготовления листов для государственных ассигнаций закрыть. 26 января 1822 г. на это последовало согласие министра финансов, и 20 февраля вышло соответственное распоряжение Правительствующего сената¹⁰⁶.

Примечания

- 1 *Boekh*. Staatshaushaltung des Athener. 2 Aufl. Berlin, 1851. Т. I. S. 761–774.
- 2 *Gsell*. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. 1913 г.; *Моммзен Т.* Римская история. Т. II.
- 3 *Рот П.* История старинных кредитных учреждений. СПб., 1877. Гл. 1.
- 4 *Летурию Ш.* Эволюция торговли. СПб., 1899. С. 167 и след.; *Blanschet A.* Essai sur l'histoire du papier et de sa fabrication. Paris, 1900; *Мельников Н. П.* История, статистика, литература писчебумажного производства. СПб., 1906. С. 5–6, 10.

- 5 См.: *Марко Поло*. Путешествие. СПб., 1874. С. 110–111.
- 6 См.: *Марко Поло*. Путешествие в восточные страны / Пер. Л. И. Малеина. СПб., 1911. С. 135.
- 7 *Джевоис В. Т.* Бумажные деньги. Одесса, 1896. С. 9–10.
- 8 *Кулишер И. М.* Лекции по экономической истории Западной Европы. Изд. 2-е. СПб., 1910. Отд. I. Гл. 4.
- 9 *Рот П.* История старинных кредитных учреждений; *Schultze Al.* Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig. 1900.
- 10 *Кауфман И. И.* История банкового дела в Великобритании и Ирландии. СПб., 1877. Гл. VII.
- 11 *Walker Fr. A.* Money. С. 310; *Sumner Wil. G.* History of American currency. С. 34; *Энштейн Е.* Бумажные деньги в Италии, Австрии и Северо-Американских Соединенных Штатах. М., 1895. С. 111–113.
- 12 *Бабет Ив.* Джон Ло, или Финансовый кризис во Франции в первые годы регентства. М., 1852; *Горн.* Джон Ло / Пер. Ив. Шипова. СПб., 1895; *Montagne.* Histoire de la Compagnie des Indes. Paris, 1899.
- 13 *Riedel A. F.* Der Brandenburgisch Preussische Staatshaushalt in den beiden letzten Jahrhunderten. Berlin, 1866. С. 83–91.
- 14 *Springer A.* Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. Leipzig, 1863. Т. I. С. 143; *Beer A.* Die Finanzen Oesterreichs im XIX Jahrhundert. Прага, 1877. С. 11 и след.; *Энштейн Е.* Бумажные деньги в Италии, Австрии и Северо-Американских Соединенных Штатах. С. 66–74; *Кауфман И. И.* Бумажные деньги в Австрии. СПб., 1913.
- 15 *Riesser.* Die deutschen Grossbanken und ihre Concentracione. 3 Aufl. Berlin, 1910.
- 16 *Hock V.* Die Finanzen und die Finanzgeschichte der Vereinigten Staaten von America. Stuttgart, 1867; *Sumner W. G.* History of American Currency; *Энштейн Е.* Бумажные деньги в Италии, Австрии и Северо-Американских Соединенных Штатах. С. 114–116.
- 17 *Berry M.* Etudes et recherches historiques sur les monnaies de France. Paris, 1853. Т. II; *Sturm R.* Les finances de l'ancien regime et de la revolution. Paris, 1885. Т. II; *Levy R. S.* Banques d'emission et tresors publiques. Paris, 1911.
- 18 *Кауфман И. И.* История банкового дела в Великобритании и Ирландии.
- 19 Ранее думали, что историю денежных знаков в России следует начинать с чеканки при царе Алексее Михайловиче, в 1656 г., медных денег, которые имели нарицательную цену серебряных. В этих деньгах еще С. М. Соловьев увидел «первую попытку помочь расстроеному состоянию финансов выпуском своего рода государственных кредитных билетов» (История России. Кн. III. Изд. 3. Т. XI. С. 191–192). На иной точке зрения стоял А. Г. Брикнер в своем специальном исследовании: «Медные деньги в России 1656–1663 гг. и денежные знаки в Швеции 1716–1719 гг.» (СПб., 1864 г.), видевший в «операции с медными деньгами в России» лишь «порчу монеты», а не первый опыт «с бумажными деньгами новейших времен» (С. 127). Од-

- нако привычный взгляд на медные деньги как на своеобразные, по выражению В. О. Ключевского, «металлические кредитки», до последнего времени разделялся историками. Лишь в начале XX века вопрос о медных деньгах Алексея Михайловича был заново пересмотрен известным экономистом И. И. Кауфманом, который пришел к следующему, прочно обоснованному выводу: «На деле <...> медные деньги 1656 г. ничего общего с кредитом не имеют. Кредит был бы, если бы правительство обязывалось бы обеспечивать цену медных денег разменом их на серебро. Но ничего подобного не было <...>. Если в медных деньгах 1656 г. медь оценивалась очень высоко, то кредит при этом не играл никакой роли, а играло роль только монопольное (регальное) положение казны, как единственной производительницы монеты. Со всякой монополией связан расчет на то, что предмету ее может быть дана та или иная высокая или еще более высокая цена. Конечно, при этом расчете возможны увлечения, которые не оправдываются даже монопольностью положения. Но это уже не касается существа дела и не оправдывает отождествления медных денег с бумажными деньгами. Поэтому никакого опыта, похожего на опыты с бумажными деньгами, медные монеты 1656 г. не представляли» (Серебряный рубль в России. СПб., 1910. С. 106).
- 20 *Ламанский Е. И.* Исторический очерк денежного обращения с 1650 по 1817 г. // Сборник статистических сведений о России / Изд. Имп. Русск. географич. об-ва. Кн. II. СПб., 1851; П.С.З. Т. IX. № 8940.
 - 21 Протоколы конференций при высочайшем дворе // Сборник Имп. Русск. историч. об-ва. Т. СXXXVI. СПб., 1912. С. 514–521.
 - 22 П.С.З. Т. XIV. № 10777; Т. XV. № 10863; *Шторх П. А.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 г. по 1840 г. // Журн. Мин. народн. просв. 1868. № 3. С. 798–801.
 - 23 П.С.З. Т. XV. № 11550.
 - 24 Об этих проектах см. у А. И. Куломзина: «Ассигнации в царствование Екатерины II-й» (Русский вестник. 1869. № 5. С. 216–221) и у Н. Д. Чечулина: «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II» (СПб., 1906. С. 322 и след.). Вообще же о состоянии финансов при Екатерине II богатый материал заключается в тт. XXVIII и XLV «Сборника Рус. ист. об-ва».
 - 25 Арх. Госуд. Сов. Т. I. Ч. 2. СПб., 1869. С. 513.
 - 26 П.С.З. Т. XVIII. № 13219, 13220.
 - 27 Там же. № 13227, 13266.
 - 28 *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. С. 322, 323.
 - 29 Там же. Особ. с. 111–152, 254–262, 312–318 и след.; *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит. Т. I. Харьков, 1899.
 - 30 *Шторх П. А.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 г. по 1840 г. С. 822.
 - 31 *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 95, 142.

- 32 *Мигулин П. П.* Экономический рост русского государства за 300 лет (1613–1913 гг.). М., 1913. С. 49, 50.
- 33 Арх. Госуд. Сов. Т. I. Ч. 2. СПб., 1869. С. 412; *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 11.
- 34 П.С.З. Т. XIX. № 14096.
- 35 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 13. Прим.: у П. А. Шторха сумма в $3\frac{1}{2}$ милл. руб. отнесена к двум годам, 1875-му и 1876-му, а как годы, в которые не было выпусков ассигнаций, указаны 1777-й и 1778-й; несколько иным показано и общее количество ассигнаций в 1786 г., именно 46.172.950. См. его «Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 г. по 1840 г.» (Журн. Мин. народн. просв. 1868 г. № 3. С. 822). Согласовать эти противоречия можно только путем специального исследования.
- 36 П.С.З. Т. XIX. № 13833; Арх. Госуд. Сов. Т. I. Ч. 2. СПб., 1869. С. 522, 526; см. также *Никольский П. А.* Бумажные деньги в России. Казань, 1892. С. 160, 161.
- 37 П.С.З. Т. XXI. № 15508. См. подробности: *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. С. 324, 325.
- 38 П.С.З. Т. XVII. № 16468.
- 39 *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II: В 2 тт. СПб., 1901–1903.
- 40 *Покровский М. Н.* Очерки русской культуры. Т. I. М., 1915. С. 209.
- 41 *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. С. 371.
- 42 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 14. У П. А. Шторха опять приведены несколько иные цифры (см. его «Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 г. по 1840 г.» С. 822).
- 43 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 14–17.
- 44 Рус. Арх. 1878. № 3. С. 296; Письмо РаSTOPчина к неизвестному. 1794 г.
- 45 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 16.
- 46 *Шторх П. А.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 г. по 1840 г. С. 813, 814; *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 16, 17.
- 47 *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит. Т. I. С. 38.
- 48 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 22, 23.
- 49 *Шторх П. А.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 г. по 1840 г. С. 62.
- 50 Сборник Имп. Русск. историч. об-ва. Т. XLV.
- 51 П.С.З. Т. XXXI. № 24264.
- 52 Там же. Т. XVI. № 12116. Об установлении пробы и веса золотой и серебряной монеты.
- 53 Там же. Т. XXXI. № 24116.
- 54 Там же. № 24197.
- 55 Там же. № 24244.

- 56 Там же. № 24335.
- 57 Там же. № 24346. С 1811 г. действительно началась продажа государственных имуществ, а именно так называемых старостинских имений в западных губерниях; она продолжалась до 1817 г., когда была прекращена вследствие того, что уплата за проданные земли производилась неисправно. См.: *Печорин Я. И.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами // Вестник Европы. 1876. № 8. С. 628.
- 58 *Семевский В. И.* Падение Сперанского // Отечественная война. М., 1912. Т. II. С. 221–246); ср. также: *Васильев А.* Прогрессивный подоходный налог и падение Сперанского // Голос минувшего. 1916 г. № 7/8. С. 332–339.
- 59 В П.С.З. этого манифеста нет; он цитируется в работе: *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 241.
- 60 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 241.
- 61 *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит. Т. I. С. 60–61; *Гурьев.* Очерк развития государственного долга в России. СПб., 1903. С. 16.
- 62 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 39.
- 63 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собств. его имп. величества канцелярии. Вып. XVI / Под ред. В. Н. Строева. Пг., 1917.
- 64 *Печорин Я. И.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами. С. 630, 631.
- 65 *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 39.
- 66 *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит.
- 67 *Ламанский Е. И.* Статистический обзор операции государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. С. 170–173 и след.
- 68 *Печорин Я. И.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами. С. 632, 633.
- 69 Действительно, если сравнить возвышение курса в 1819 и 1820 гг., когда ассигнационный рубль стоил 26,81 коп. сер., с курсом даже 1815 г., когда он временно упал до 23,92 коп. сер., то возвышение это составит лишь 12%, между тем как сумма ассигнаций уменьшилась на сумму 28¾%; такой результат изъятия не может не быть признан «плачевным» (*Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 44, 45; *Шторх П. А.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 г. по 1840 г. С. 817–819).
- 70 Министерство финансов, 1802–1902. СПб., 1902 г. Т. I. С. 69.
- 71 П.С.З. Т. XVIII. № 13296; Арх. Кред. Канц. Д. 39., Отд. III. 1814–1822 гг.: Об устройстве нового заведения для делания ассигнаций (см. также: РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 72); *Лихачев И. И.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. С. 91–92.
- 72 *Резцов Н. А.* Бумага в России 100 лет назад. III. Писчебумажная промышленность. СПб., 1913. С. 13–15.
- 73 П.С.З. Т. XVIII. № 13296.
- 74 Арх. Сената. Дело канцелярии генерал-прокурора. 1797 г. № 308. Л. 31 (см. также: РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 308).

- 75 П.С.З. Т. XVIII. № 13220. Ст. 5, 24; Учреждения о банках, 29 декабря 1768 г.
- 76 Арх. Госуд. Сов. Т. I. Ч. 2. СПб., 1869. С. 515.
- 77 П.С.З. Т. XVIII. № 13220; *Печорин Я. И.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами. С. 641–643.
- 78 П.С.З. Т. XIX. № 13629, 13671, 13945, 14099; Сборник Рус. ист. об-ва. Т. XIII. С. 116–117.
- 79 Восемнадцатый век. Т. I. С. 69–79, 390–395; Сборник Рус. ист. об-ва. Т. XIII. С. 219–229; Арх. Госуд. Сов. Т. I. Ч. 1. СПб., 1869 г. С. 171–175; П.С.З. Т. XIX. № 13890.
- 80 П.С.З. Т. XXII. № 16140.
- 81 Арх. Э. Д. 1/15. I разр. 1785 г.: Наставление о производстве ассигнационных листов (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1. 1785 г.).
- 82 Арх. Э. Д. 7/14. I разр. 1799 г.: Список разным чинам при Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 9).
- 83 Первым заведующей ассигнационной типографией (до 1786 г.) был сенатский обер-секретарь А. Я. Поленов, известный в свое время автор труда «Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России», написанного на тему, предложенную в 1764 г. Императорским Вольным экономическим обществом. Напечатан этот труд в № 3 «Русск. арх.» за 1865 год. О А. Я. Поленове см. статью Д. В. Поленова в № 4 «Русск. арх.» за тот же год. После Поленова, в конце царствования Екатерины II и до 1796 г., у надзирания за типографией печатания ассигнаций состоял ст. сов. Ленцано (Арх. Сената. Дело канцелярии генерал-прокурора 1797 г. № 308. Л. 19. См. также: РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 308).
- 84 П.С.З. Т. XXII. № 16140.
- 85 Арх. Э. Д. 55/86. I разр. 1821 г.; здесь, между прочим, находится описание машин, употреблявшихся при работах (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 98).
- 86 П.С.З. Т. XXII. № 16350.
- 87 Там же.
- 88 Там же. Т. XXIII. № 16407. Ст. 39; Арх. Госуд. Сов. Т. I. Ч. 2. СПб., 1869. С. 517, 518.
- 89 *Ламанский Е. И.* Исторический очерк денежного обращения с 1650 по 1817 г. С. 137, 138.
- 90 Нам не удалось отыскать указа об её учреждении. В документах она до 1786 г. называлась «Экспедиция о государственных доходах при заготовлении листов для государственных ассигнаций», а с 1786 г. — просто «Экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций». Несмотря на разные наименования, экспедиция эта, без сомнения, представляла собой одно и то же учреждение. По крайней мере, так думать дают основание следующие данные: в формуляре советника Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций сказано, что 7 апр. 1785 г. он был определен князем Вяземским помощником советника «Экспедиции о

- государственных доходах при заготовлении листов для государственных ассигнаций», а в 1795 г. назначен в ней советником, а известно, что он был с этого года советником «Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций» (Арх. Э. Дело № 7/14, I разр. 1799 г.: Послужной список состоящим в классах разным чинам при экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций и при Царскосельской бумагоделательной мельнице).
- 91 Арх. Сената. Дело канцелярии генерал-прокурора. 1797 г. № 308. Л. 32, 49, 50 (см. также: РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 308).
- 92 Арх. Э. Дело № 7/14. I разр. 1799 г. Л. 39 об. (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1. 1785 г.).
- 93 П.С.З. Т. XXIII. № 21031; Арх. Кред. Канц. Дело № 62. 1818–1819 гг. Л. 7 (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 583. Оп. 4. Д. 219. Л. 163–164, 171–180); Арх. Э. Дело № 17/5. I разр. 1801 г. Л. 46, (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11).
- 94 Арх. Э. Дело № 17/5. I разр. 1800 г. Л. 11 (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11).
- 95 П.С.З. Т. XXVII. № 21031.
- 96 Там же. Т. XXV. № 19038; Арх. Э. Дело № 7/14. I разр. 1799 г. Л. 12 и след. (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 9).
- 97 Там же. Т. XXVII. № 21030, 21031.
- 98 В примечании к «Штату» лишь сказано: «работников нанимать вольнонаемных, с платою по 10 руб. в месяц».
- 99 П.С.З. Т. XLIII, штаты под № 21030, 21031. Ср. штат Э., действовавший в 1802 г.: Арх. Э. Д. 17/5. I разр. 1801. Л. 89–93 (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11).
- 100 Арх. Э. Дело № 62/13. I разр. 1818 г. Л. 4, 6 (см. также ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 60).
- 101 Например, указание государственного казначея Г. Р. Державина в 1800 г. относительно обязанностей второго помощника советника: Арх. Э. Д. 8/16. I разр. 1800. Л. 7, 8 (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11. Л. 49, 50).
- 102 Арх. Э. Д. 8/16. I разр. 1800 г. Л. 8 (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11. Л. 9, 10).
- 103 Арх. Э. Д. 13/37. I разр. 1816 г. (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 42).
- 104 Арх. Кред. Канц. Д. 39. Отд. III. 1814–1822 гг.: Об устройстве нового заведения для делания ассигнаций. Л. 33 и след. (см. также: РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 72).
- 105 Арх. Э. Д. 109/2. I разр. 1823 г.; Д. 53/82. I разр. 1820 г. (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 110, 86).
- 106 Арх. Э. Д. 1/108–15/113. 1822 г. (см. также: ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 103–104); Арх. Кред. Канц. Д. 34. 1821 г.; П.С.З. Т. XXVIII. № 28951 (см. также: РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 11; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 220).